

Духовная проза

ВДОХНОВЕННЫЕ ПРИТЧИ

Поучительная проза русских классиков

Николай Семёнович Лесков
Александр Иванович Куприн
Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
Федор Кузьмич Сологуб
Светлана Сергеевна Лыжина
Вдохновенные притчи.
Поучительная проза
русских классиков (сборник)
Серия «Духовная проза (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42562567

Вдохновенные притчи. Поучительная проза русских классиков / [Сост.

С.С. Лыжина].: Вече; Москва; 2019

ISBN 978-5-4484-7832-1

Аннотация

Притча, сказка не только для детей, обычно видится нам как короткий нравоучительный рассказ, предельно сжатый и почти лишенный литературных красот, но все меняется, когда этот рассказ вдохновляет истинного гения и получает литературную обработку. Многие русские классики обращались к жанру

притчи, в результате создавая литературные жемчужины, ныне полузабытые.

В этом сборнике читатель найдет христианские притчи, а также известные библейские образы и аллегории, нашедшие отражение в творчестве М. Салтыкова-Щедрина, Н. Лескова, Ф. Сологуба, Л. Андреева и А. Куприна.

Содержание

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин	6
Николай Семенович Лесков	17
Лев старца Герасима	17
Легенды о совестном Даниле	29
Аскалонский злодей, или Происшествие в Иродовой темнице	56
Глава первая	57
Глава вторая	63
Глава третья	68
Глава четвертая	71
Глава пятая	76
Глава шестая	85
Глава седьмая	88
Глава восьмая	91
Глава девятая	95
Глава десятая	100
Глава одиннадцатая	105
Глава двенадцатая	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

**Михаил Салтыков-
Щедрин, Николай
Лесков, Александр
Куприн, Федор Сологуб
Вдохновенные притчи.
Поучительная проза
русских классиков
(сборник)**

© Лыжина С.С., составление, 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2019

**Михаил Евграфович
Салтыков-Щедрин
(1826–1889)
Добродетели и Пороки**

Добродетели с Пороками исстари во вражде были. Пороки жили весело и ловко свои дела обдeldывали; а Добродетели жили посерее, но зато во всех азбуках и хрестоматиях как пример для подражания приводились. А втихомолку между тем думали: «Вот кабы и нам, подобно Порокам, удалось хорошенькое дельце обделать!» Да, признаться сказать, под шумок и обдeldывали.

Трудно сказать, с чего у них первоначально распря пошла и кто первый задрал. Кажется, что Добродетели первые начали. Порок-то шустрый был и на выдумки гораздый. Как пошел он, словно конь борзый, пространство ногами забирать, да в парчах, да в шелках по белу свету щеголять – Добродетели-то за ним и не успели. И не поспевши – огорчились. «Ладно, – говорят, – щеголяй, нахал, в шелках! Мы и в рубище от всех почтены будем!» А Пороки им в ответ: «И будьте почтены с богом!»

Не стерпели Добродетели насмешки и стали Пороки на всех перекрестках костить. Выйдут в рубищах на распутье и

пристают к прохожим: «Не правда ли, господа честные, что мы вам и в рубище милы?» А прохожие в ответ: «Ишь вас, салопниц, сколько развелось! проходите, не задерживайте! Бог подаст!»

Пробовали Добродетели и к городovým за содействием обращаться. «Вы чего смотрите? совсем публику распустили! ведь она, того и гляди, по уши в пороках погрязнет!» Но городové знай себе стоят да Порокам под козырек делают.

Так и остались Добродетели ни при чем, только пригрозили с досады: «Вот погодите! ушлют вас ужо за ваши дела на каторгу!»

А Пороки между тем все вперед да вперед бегут, да еще и похваляются. «Нашли, – говорят, – чем страшать – каторгой! Для нас-то еще либо будет каторга, либо нет, а вы с самого роженья в ней по уши сидите! Ишь, злецы! Кости да кожа, а глаза, посмотри, как горят! Щелкают на пирог зубами, а как к нему приступиться – не знают!»

Словом сказать, разгоралась распря с каждым днем больше и больше. Сколько раз даже до открытого боя дело доходило, но и тут фортуна почти всегда Добродетелям изменяла. Одолеют Пороки и закуют Добродетели в кандалы: «Сидите, злоумышленники, смирно!» И сидят, покуда начальство не вступится да на волю не выпустит.

В одну из таких баталий шел мимо Иванушка-дурачок, остановился и говорит сражающимся:

– Глупые вы, глупые! из-за чего только вы друг друга

увечите! ведь первоначально-то вы все одинаково свойствами были, а это уж потом, от безалаберности да от каверзы людской, Добродетели да Пороки пошли. Одни свойства понажали, другим вольный ход дали – колесики-то в машине и поиспортились. И воцарились на свете смута, свара, скорбь... А вы вот что сделайте: обратитесь к первоначальному источнику – может быть, на чем-нибудь и сойдетесь!

Сказал это и пошел путем-дорогой в казначейство подать вносить.

Подействовали ли на сражающихся Иванушкины слова или пороху для продолжения битвы не достало, только вложили бойцы мечи в ножны и задумались.

Думали, впрочем, больше Добродетели, потому что у них с голоду животы подвело, а Пороки, как протрубили трубы отбой, так сейчас же по своим прежним канальским делам разбрелись и опять на славу зажили!

– Хорошо ему про «свойства» говорить! – первое молвило Смирennemудрие. – Мы и сами не плоше его эти «свойства» знаем! Да вот одни «свойства» в бархате щеголяют и на золоте едят, а другие в затрапезе ходят да по целым дням не евши сидят. Иванушке-то сполагоря: он набил мамон мякиной – и прав; а нас ведь на мякине не проведешь – мы знаем, где раки зимуют!

– Да и что за «свойства» такие проявились! – встревожилось Благодичиние. – Нет ли тут порухи какой? Всегда были Добродетели и были Пороки, сотни тысяч лет это дело ве-

дется, и сотни тысяч томов об этом написано, а он, на-тко, сразу решил: «свойства»! Нет, ты попробуй приступись-ка к этим сотням тысяч томов, так и увидишь, какая от них пыль столбом полетит!

Судили, рядили и наконец рассудили: Благочиние правду сказало. Сколько тысяч веков Добродетели числились Добродетелями и Пороки – Пороками! Сколько тысяч книг об этом написано, какая масса бумаги и чернил изведена! Добродетели всегда одесную стояли, Пороки – ошуюю; и вдруг, по дурацкому Иванушкину слову, от всего откажись и назовись какими-то «свойствами»! Ведь это почти то же, что от прав состояния отказаться и «человеком» назваться! Просто-то оно, конечно, просто, да ведь иная простота хуже воровства. Поди-тко спроста-то коснись, ан с первого же шага в такое несметное множество капканов попадешь, что и голову там, пожалуй, оставишь!

Нет, о «свойствах» думать нечего, а вот компромисс какой-нибудь сыскать – или, как по-русски зовется, фортель – это, пожалуй, дельно будет. Такой фортель, который и Добродетели бы возвеселил, да и Порокам бы по нраву пришелся. Потому что ведь и Порокам подчас жутко приходится. Вот намеднись Любострастие с поличным в бане поймали, протокол составили, да в ту же ночь Прелюбодеяние в одном белье с лестницы спустили. Вольномыслие-то давно ли пышным цветом цвело, а теперь его с корнем вырвали! Стало быть, и Порокам на фортель пойти небезвыгодно. Мило-

стивые государи! милостивые государыни! не угодно ли кому предложить: у кого на примете «средствице» есть?

На вызов этот прежде всех выступил древний старичок, Опытю называемый (есть два Опыта: один порочный, а другой добродетельный; так этот – добродетельный был). И предложил он штуку: «Отыщите, говорит, такое сокровище, которое и Добродетели бы уважило, да и от Пороков было бы не прочь. И пошлите его парламентаром во вражеский лагерь».

Стали искать и, разумеется, нашли. Нашли двух бобылок: Умеренность и Аккуратность. Обе на задворках в добродетельских селениях жили, сиротский надел держали, но торговали корчемным вином и потихоньку Пороки у себя принимали.

Однако первый блин вышел комом. Бобылки были и мало представительны, и слишком податливы, чтоб выполнить возложенную на них задачу. Едва появились они в лагере Пороков, едва начали канитель разводить: «Помаленьку-то покойнее, а потихоньку – вернее», как Пороки всем скопищем загалдели:

– Слыхали мы-ста прибаутки-то эти! Давно вы с ними около нас похаживаете, да не в коня корм! Уходите с богом, бобылки, не проедайтесь!

И как бы для того, чтобы доказать Добродетелям, что их на кривой не объедешь, на всю ночь закатились в трактир «Самарканд», а под утро, расходясь оттуда, поймали Воздер-

жание и Непрелюбысотворение и поступили с ними до такой степени низко, что даже татары из «Самарканда» дивились: хорошие господа, а что делают!

Поняли тогда Добродетели, что дело это серьезное и надо за него настоящим манером взяться.

Произошло между ними в ту пору существо среднего рода: ни рак, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалер, а всего помаленьку. Произошло, выровнялось и расцвело. И было этому межеумку имя тоже среднего рода: Лицемерие...

Все в этом существе было загадкою, начиная с происхождения. Сказывали старожилы, что однажды Смирение с Любострастием в темном коридоре спознались и от этого произошел плод. Плод этот Добродетели сообща выкормили и выпоили, а потом и в пансион к француженке Комильфо отдали. Догадку эту подтверждает и наружный вид Лицемерия, потому что хотя оно ходило не иначе, как с опущенными долу глазами, но прозорливцы не раз примечали, что по лицу его частенько пробегают любострастные тени, а поясница, при случае, даже очень нехорошо вздрагивает. Несомненно, что в этом наружном двоегласии в значительной мере был виноват пансион Комильфо. Там Лицемерие всем главным наукам выучилось: и «как по струнке ходить», и «как водой не замутить», и «как без мыла в душу влезть»; словом сказать, всему, что добродетельное житие обеспечивает. Но в то же время оно не избегло и влияния канкана, которым и

стены, и воздух пансиона были пропитаны. Но, кроме того, мадам Комильфо еще и тем подгадила, что сообщила Лицемерию подробности об его родителях. Об отце (Любострастии) сознавалась, что он был моветон и дерзкий – ко всем щипаться лез! Об матери (Смирение) – что она хотя не имела блестящей наружности, но так мило вскрикивала, когда ее щипали, что даже и не расположенные к щипанию Пороки (каковы Мздоимство, Любоначалие, Уныние и проч.) – и они не могли отказать себе в этом удовольствии.

Вот это-то среднее существо, глаза долу опускающее, но и из-под закрытых век блудливо окрест высматривающее, и выбрали Добродетели, чтоб войти в переговоры с Пороками и такой общий *modus vivendi*¹ изобрести, при котором и тем и другим было бы жить вольготно.

– Да ты по нашему-то умеешь ли? – вздумало было предварительно проэкзаменовать его Галантерейное Обращение.

– Я-то? – изумилось Лицемерие. – Да я вот как...

И не успели Добродетели опомниться, как у Лицемерия уж и глазки опущены, и руки на груди сложены, и румянец на щечках играет... девица, да и шабаш!

– Ишь, дошлая! Ну а по-ихнему, по-порочному... как?

Но Лицемерие даже не ответило на этот вопрос. В один момент оно учинило нечто, ни для кого явственно не видимое, но до такой степени достоверное, что Прозорливство только сплонуло: «Тьфу!»

¹ Образ жизни либо способ существования (*лат.*).

И затем все одинаково решили: написать у нотариуса Бизяева общую доверенность для хождения по всем добродетельским делам и вручить ее Лицемерию.

Взялся за гуж, не говори, что не дюж: как ни горько, а пришлось у Пороков пARDону просить. Идет Лицемерие в ихний подлый вертеп и от стыда не знает, куда глаза девать. «Везде-то нынче это паскудство развелось! – жалуется оно вслух, а мысленно прибавляет: – Ах, хорошо Пороки живут!» И точно, не успело Лицемерие с версту от добродетельской резиденции отойти, как уж со всех сторон на него разлитым морем пахнуло. Смехи, да пляски, да игры – стон от веселья стоит. И город какой отменный Пороки для себя выстроили: просторный, светлый, с улицами и переулками, с площадями и бульварами. Вот улица Лжесвидательства, вот площадь Предательства, а вот и Срамной бульвар. Сам Отец Лжи тут сидел и из лавочки клеветой распивочно и навывнос торговал.

Но как ни весело жили Пороки, как ни опытны они были в всяких канальских делах, а увидевши Лицемерие, и они ахнули. С виду – ни дать ни взять, сушная девица; но точно ли сушная – этого и сам черт не разберет. Даже Отец Лжи, который думал, что нет в мире той подлости, которой бы он не превзошел, – и тот глаза вытаращил.

– Ну, – говорит, – это я об себе напрасно мечтал, будто вреднее меня на свете никого нет. Я – что! вот он, настоящий-то яд, где! Я больше нахалом норовлю – оттого меня хоть и не часто, а все-таки от времени до времени с лестни-

цы в три шеи спускают; а это сокровище, коли прильнет, – от него уж не отвертишься! Так тебя опутает, так окружит, что покуда все соки не вызудит – не выпустит!

Тем не менее, как ни велик был энтузиазм, возбужденный Лицемерием, однако и тут без розни не обошлось. Пороки солидные (аборигены), паче всего дорожившие преданиями старины, как, например: Суемудрие, Пустомыслие, Гордость, Человеконенавистничество и проч., – не только сами не пошли навстречу Лицемерию, но и других остерегали.

– Истинный порок не нуждается в прикрытии, – говорили они, – но сам свое знамя высоко и грозно держит. Что существенно нового может открыть нам Лицемерие, чего бы мы от начала веков не знали и не практиковали? Положительно ничего. Напротив, оно научит нас опасным изворотам и заставит нас ежели не прямо стыдиться самих себя, то, во всяком случае, показывать вид, что мы стыдимся. *Caveant consules!*² До сих пор у нас было достаточно твердых и верных последователей, но ведь они, видя наши извороты, могут сказать: «Должно быть, и впрямь Порокам туго пришлось, коль скоро они сами от себя отрицаться должны!» И отвернутся от нас, вот увидите – отвернутся.

Так говорили заматерелые Пороки-Катоны, не признававшие ни новых веяний, ни обольщений, ни обстановок. Родившись в навозе, они предпочитали задохнуться в нем, лишь бы не отступить от староотеческих преданий.

² Пусть консулы будут бдительны! (*лат.*)

За ними шла другая категория Пороков, которые тоже не выказали особенного энтузиазма при встрече с Лицемерием, но не потому, однако, чтобы последнее претило им, а потому, что они уже и без посредства Лицемерия состояли в секретных отношениях с Добродетелями. Сюда принадлежали: Измена, Вероломство, Предательство, Наушничество, Ябеда и проч. Они не разразились кликами торжества, не рукоплескали, не предлагали здравиц, а только подмигнули глазом: милости просим!

Как бы то ни было, но торжество Лицемерия было обеспечено. Молодежь, в лице Прелюбодеяния, Пьянства, Объедения, Распутства, Мордобития и проч., сразу созвала сходку и встретила парламентаря такими овациями, что Суемудрие тут же нашлось вынужденным прекратить свою воркотню навсегда.

– Вы только мутите всех, старые пакостники! – кричала старикам молодежь. – Мы жить хотим, а вы уныние наводите! Мы в хрестоматию попадем (это в особенности льстило), в салонах блистать будем! нас старушки будут любить!

Словом сказать, почва для соглашения была сразу найдена, так что когда Лицемерие, возвратившись восвояси, отдало Добродетелям отчет о своей миссии, то было единогласно признано, что всякий повод для существования Добродетелей и Пороков, как отдельных и враждебных друг другу групп, устранен навсегда. Тем не менее старую номенклатуру упразднить не решались – почем знать, может быть, и

опять понадобится? – но положили употреблять ее с таким расчетом, чтобы всем было видимо, что она прикрывает собой один только прах.

С тех пор пошло между Добродетелями и Пороками гостеприимство великое. Захочет Распутство побывать в гостях у Воздержания, возьмет под ручку Лицемерие, – и Воздержание уже издали, завидев их, приветствует:

– Милости просим! покорно прошу! У нас про вас...

И наоборот. Захочет Воздержание у Распутства постненьким полакомиться, возьмет под ручку Лицемерие, а у Распутства уж и двери все настезь:

– Милости просим! покорно прошу! У нас про вас...

В постные дни постненьким потчуют, в скоромные – скоромненьким. Одной рукой крестное знамение творят, другой – неистовствуют. Одно око горе возводят, другим – непрестанно вожделеют. Впервые Добродетели сладости познали, да и Пороки не остались в убытке.

Напротив, всем и каждому говорят: «Никогда у нас таких лакомств не бывало, какими теперь походя жуируем!»

А Иванушка-дурачок и о сию пору не может понять: отчего Добродетели и Пороки так охотно помирились на Лицемерии, тогда как гораздо естественнее было бы сойтись на том, что и те и другие суть «свойства» – только и всего.

1886 г.

Николай Семенович Лесков (1831–1895)

Лев старца Герасима (*Восточная легенда*)

Триста лет после Иисуса Христа жил на Востоке богатый человек, по имени Герасим. У него были свои дома, сады, более тысячи рабов и рабынь и очень много всяких драгоценностей. Герасим думал: «Мне ничто не страшно», – но когда он один раз сильно заболел и едва не умер, тогда он начал размышлять иначе, потому что увидал, как жизнь человеческая коротка и что болезни нападают отовсюду, а от смерти не спасет никакое богатство, а потому не умнее ли будет заранее так распорядиться богатством, чтобы оно на старости лет не путало, а потом бы из-за него никто не ссорился.

Стал Герасим с разными людьми советоваться, как ему лучше сделать. Одни говорили одно, а другие другое, но все это было Герасиму не по мыслям.

Тогда один христианин сказал ему:

– Ты хорошо сделаешь, если поступишь со своим богатством, как советует Иисус Христос: ты отпусти своих рабов

на волю, а имущество раздай тем, кто страдает от бедности. Когда ты сделаешь так, ты будешь спокоен.

Герасим послушался – он сделался христианином и раздал все свое богатство бедным, но вскоре увидел, что, кроме тех, которых он наделил, осталось еще много неимущих, которым он уже ничего не мог дать, и эти стали его укорять, что он не умел разделить свое богатство так, чтобы на всех достало.

Герасим огорчился: ему было прискорбно, что одни его бранят, а другие над ним смеются, что он прежде жил достаточно, а теперь, все раздавши, и сам бедствует, и всех наследников обидел, а всех нищих все-таки не поправил.

Стало от этого Герасиму очень смутительно, и, чтобы не терпеть досаждений от наследников, Герасим поднялся и ушел из людного места в пустыню. А пустыня была дикая, где не жил ни один человек, а только рыскали звери да ползали змеи.

Походил Герасим по жаркой пустыне и почувствовал, что здесь ему лучше. Тут хоть глухо и страшно, но зато наследники его не бранят и не проклинаят и никто над ним не смеется и не осуждает его, что он так, а не этак сделал. А он сам спокоен, потому что поступил по слову Христову: «Отдай все и иди за Мною»³, – и больше не о чем беспокоиться.

Нашел Герасим норку под меловым камнем, натаскал туда тростника и стал жить здесь.

³ См. Мф. 19: 21.

Жить Герасиму было тихо, а есть и пить нечего. Он с трудом находил кое-какие съедобные коренья, а за водою ходил на ручей. Ключ воды был далеко от пещерки, и, пока Герасим напьется да подойдет назад к своей норке, его опять всего опалит; и зверей ему страшно, и силы слабеют, и снова пить хочется. А ближе, возле воды, нет такого места, где бы можно спрятаться.

«Ну, – думает раз в большой жар Герасим, – мне этой муки не снести: вылезешь из моей меловой норки, надо сгореть под солнцем; а здесь без воды я должен умереть от жажды, а ни кувшина, ни тыквы, никакой другой посуды, чтобы носить воду, у меня нет. Что мне делать? Пойду, – думает Герасим, – в последний раз к ключу, напьюсь и умру там».

Пошел Герасим с таким решением к воде и видит на песке следы – как будто бы здесь прошел караван на ослах и верблюдах... Смотрит он дальше и видит, что лежит тут один растерзанный зверем верблюд, а невдалеке от него валяется еще живой, но только сильно ослабевший, ослик и тяжело вздыхает, и ножонками дрыгает, и губами смокчет.

Герасим оставил безжизненного верблюда валяться, а об ослике подумал: «Этот еще жить может. Он только от жажды затомился, потому что караванщики не знали, где найти воду. Прежде чем мне самому помереть, попробую облегчить страдание этого бедного животного».

Герасим приподнял ослика на ноги, подцепил его под брюхо своим поясом и стал волочь его, и доволоч до ключа

свежей воды. Тут он обтер ослу мокрой ладонью запекшуюся морду и стал его из рук поपाивать, чтобы он сразу не опился.

Ослик ожил и поднялся на ножки.

Герасиму жаль стало его тут бросить, и он повел его к себе и думал: «Помучусь я еще с ним – окажу ему пользу».

Пошли они вместе назад, а тем временем огромный верблюд уже совсем почти был съеден; и в одной стороне валялся большой лохмот его кожи. Герасим пошел взять эту кожу, чтобы таскать в ней воду, но увидел, что за верблюдом лежит большой желтый лев с гривой – от сытости валяется и хвостом по земле хлопает.

Герасим подумал: «Ну, должно быть, мой конец: наверно, этот лев сейчас вскочит и растерзает и меня, и осленка». А лев их не тронул, и Герасим благополучно унес с собой лохмот верблюжьей кожи, чтобы сделать из нее мешок, в который можно наливать воду.

Набрал тоже Герасим по пути острых сучьев и сделал из них ослику загородочку у самой своей норки. «Тут ему будет ночью свежо и спокойно», – думал старец, да и не угадал.

Как только на дворе стемнело, вдруг что-то будто с неба упало над пещеркой, и раздался страшный рев и ослиный крик.

Герасим выглянул и видит, что давешний страшный лев потряс первую сытость и пришел съесть его осла, но это ему не удалось: прыгнув с разбега, лев не заметил ограды и воткнул себе в пах острый сук и взревел от невыносимой боли.

Герасим выскочил и начал вынимать из раны зверя острые спицы.

Лев от боли весь трясся, и страшно ревел, и норовил хватить Герасима за руку, но Герасим его не пугался и все колючки повынул, а потом взял верблюжью кожу, взвалил ее на ослика и погнал к роднику за свежей водою. Там у родника он связал кожу мешком, набрал ее полную воды и пошел опять к своей норе.

Лев во все это время не тронулся с места, потому что раны его страшно болели.

Герасим стал омывать раны льва, а сам подносил к его разинутой пасти воду в пригоршне, и лев лакал ее воспаленным языком с ладони, а Герасиму было не страшно, так что он сам над собой удивлялся.

Повторилось то же на другой день и на третий, стало льву легче, а на четвертый день как пошел Герасим с ослом к роднику, смотрит – приподнялся и лев и тоже вслед за ними поплелся.

Герасим положил льву руку на голову, и так и пошли рядом трое: старик, лев и осленок.

У ключа старец свободной рукою омыл раны льва на вольной воде, и лев совсем освежел, а когда Герасим пошел назад, и лев опять пошел за ним.

Стал старик жить со своими зверями.

У старца выросли тыквы, он начал их сушить и делать из них кувшины, а потом стал относить эти кувшины к источ-

нику, чтобы они годились тем, у кого не во что захватить с собою воды. Так жил Герасим и сам питался, и другим людям по силе своей был полезен. И лев тоже нашел себе службу: когда Герасим в самый зной отдыхал, лев стерег его осла. Жили они так изрядное время, и некому было на них удивляться, но раз увидали эту компанию проходившие караваном путники и рассказали про них в жилых местах по дорогам, и сейчас из разных мест стали приходить любопытные люди: всем хотелось смотреть, как живет бедный старик и с ним ослик и лев, который их не терзает. Все этому стали удивляться и спрашивали у Герасима:

– Открой нам, пожалуйста, какую ты силою это делаешь? Верно, ты не простой человек, а необыкновенный, что при тебе происходит Исаево чудо: лев лежит рядом с осликом⁴.

А Герасим отвечал:

– Нет, я самый обыкновенный человек, и даже, признаюсь вам, что я еще очень глуп: я вот со зверями живу, а с людьми совсем жить не умел – все они на меня обиделись, и я ушел из города в пустыню.

– Чем же ты обидел?

– Хотел разделить между всеми свое богатство, чтобы все были счастливы, а вместо того они все перессорились.

– Зачем же ты их умнее не поравнял?

– Да вот то-то оно и есть, что равнять-то трудно тех, кои сами не равняются; я сделал ошибку, когда забрал себе мно-

⁴ Ис. 11: 6. (В оригинале «лев рядом с ягненком»).

го сначала. Не надо бы мне забирать себе ничего против других лишнего – вот и спокойно было бы.

Люди закивали головами.

– Эге! – сказали. – Да это старик-то дурасливый, а между тем все-таки же удивительно, что у него лев осленка караулит и не съест их обоих. Давайте поживем мы с ним несколько дней и посмотрим, как это у них выходит.

Остались с ними три человека.

Герасим их не прогонял, только сказал:

– Вместе жить надо не так, чтобы троим на одного смотреть, а надо всем работать, а то придет несогласие, и я вас тогда забоюсь и уйду.

Три согласились, но на другой же день при них случилась беда: когда они спали, заснул тоже и лев и не слышал, как проходившие караваном разбойники накиннули на ослика петлю и увели его с собою.

Утром люди проснулись и видят: лев спит, а ослика и следа нет. Три и говорят старцу Герасиму:

– Вот ты и в самом деле дождался того, что тебе давно следовало: зверь всегда зверем будет, вставай скорей – твой лев съел наконец твоего осла и, верно, зарыл где-нибудь в песок его кости.

Вылез Герасим из своей меловой норы и видит, что дело похоже на то, как ему трое сказывают. Огорчился старик, но не стал спорить, а взвалил на себя верблюжий мех и пошел за водою.

Идет, тяжело переступает, а смотрит – за ним вдалеке его лев плетется; хвост опустил до земли и головою понурился.

«Может быть, он и меня хочет съесть? – подумал старик. – Но не все ли равно мне, как умереть? Поступлю лучше по Божью завету и не стану рабствовать страху».

И пришел он и опустился к ключу и набрал воды, а когда восклонился – видит, лев стоит на том самом месте, где всегда становился осел, пока старец укреплял ему на спину мех с водою.

Герасим положил льву на спину мех с водою и сам на него сел и сказал:

– Неси, виноватый.

Лев и понес воду и старца, а три пришельца как увидели, что Герасим едет на льве, еще пуще дивились. Один тут остался, а двое из них сейчас же побежали в жилое место и возвратились со многими людьми. Всем захотелось видеть, как свирепый лев таскает на себе мех с водою и дряхлого старца.

Пришли многие и стали говорить Герасиму:

– Признайся нам: ты или волшебник, или в тебе есть особенная сила, какой нет в других людях?

– Нет, – отвечал Герасим, – я совсем обыкновенный человек, и сила во мне такая же, как у вас у всех. Если вы захотите, вы все можете это сделать.

– А как же этого можно достигнуть?

– Поступайте со всеми добром да ласкою.

– Как же с лютым быть ласково? Он погубит.

– Эко горе какое, а вы об этом не думайте и за себя не бойтесь.

– Как же можно за себя не бояться?

– А вот так же, как вы сидите теперь со мной и моего льва не боитесь.

– Это потому нам здесь смело, что ты сам с нами.

– Пустяки – что я от льва за защита?

– Ты от зверя средство знаешь и за нас заступишься.

А Герасим опять отвечал:

– Пустяки вы себе выдумали, что я будто на льва средство знаю. Бог Свою благость дал мне, чтобы в себе страх победить, – я зверя обласкал, а теперь он мне зла и не делает. Спите, не бойтесь.

Все полегли спать вокруг меловой норки Герасима, и лев лег тут же, а когда утром встали, то увидели, что льва нет на его месте!.. Или его кто отпугнул, или убил и зарыл труп его ночью.

Все очень смутились, а старец Герасим сказал:

– Ничего, он, верно, за делом пошел и вернется.

Разговаривают они так и видят, что в пустыне вдруг закурилась столбом пыль и в этой пронизанной солнцем пыли веются странные чудища с горбами, с крыльями: одно поднимается вверх, а другое вниз падает, и все это мечется, и все это стучит и гремит, и несется прямо к Герасиму, и враз все упало и повалилося, как кольцом, вокруг всех стоявших;

а позади старый лев хвостом по земле бьет.

Когда осмотрелись, то увидали, что это вереница огромных верблюдов, которые все друг за друга привязаны, а впереди всех их – навьюченный Герасимов ослик.

– Что это такое сделалось и каким случаем?

А было это вот каким случаем: шел через пустыню купеческий караван; на него напали разбойники, которые ранее угнали к себе Герасимова ослика. Разбойники всех купцов перебили, а верблюдов с товарами взяли и поехали делиться. Ослика же они привязали к самому заднему верблюду. Лев почуял по ветру, где идет ослик, и бросился догонять разбойников. Он настиг их, схватил за веревку, которою верблюды были связаны, и пошел скакать, а верблюды со страха перед ним прыгают и ослика подкидывают. Так лев и пригнал весь караван к старцу, а разбойники все с седел свалились, потому что перепуганные верблюды очень сильно прыгали и невозможно было на них удержаться. Сам же лев обливался кровью, потому что в плече у него стремил стрела.

Все люди всплеснули руками и закричали:

– Ах, старец Герасим! Твой лев имеет удивительный разум!

– Мой лев имеет плохой разум, – отвечал, улыбаясь, старец, – он мне привел то, что мне вовсе не нужно! На этих верблюдах товары великой цены. Это огонь! Прошу вас, пусть кто-нибудь сядет на моего осла и отведет этих испуганных верблюдов на большой путь. Там, я уверен, теперь сидят их

огорченные хозяева. Отдайте им все их богатство и моего осла на придачу, а я поведу к воде моего льва и там постараюсь вынуть стрелу из его раны.

И половина людей пошли отводить верблюдов, а другие остались с Герасимом и его львом и видели, как Герасим долго вытягивал и вынул из плеча зверя зазубренное острие.

Когда же возвратились отводившие караван, то с ними пришел еще один человек средних лет, в пышном наряде и со многим оружием, и, завидя Герасима, издали бросился ему в ноги.

– Знаешь ли, кто я? – сказал он.

– Знаю, – отвечал Герасим, – ты несчастный бедняк.

– Я страшный разбойник Амру!

– Ты мне не страшен.

– Меня трепещут в городах и в пустыне – я перебил много людей, я отнял много богатств, и вдруг твой удивительный лев сразу умчал весь наш караван.

– Он зверь и потому отнимает.

– Да, но ты нам все возвратил и прислал еще нам своего осла на придачу... Возьми от меня по крайней мере хоть один шатер и раскинь его где хочешь, ближе к воде, для твоего покоя.

– Не надо, – отвечал старец.

– Отчего же? Для чего же ты так горд?

– Я не горд, но шатер слишком хорош и может возбуждать зависть, а я не сумею его разделить со всеми без обиды, и

увидю опять неровность, и стану бояться. Тогда лев мой уйдет от меня, а ко мне придет другой жадный зверь и опять приведет с собой беспокойство, и зависть, и дележ, и упреки. Нет, не хочу я твоих прохладных шатров, я хочу жить без страха.

1888 г.

Легенды о совестном Даниле

Пристрастие не дальновидно, а ненависть вовсе ничего не видит.

Исидор Пелусиот⁵. Письмо к Кириллу

Легко тому, чье сердце не знает сострадания, но пусть он, однако, не радуется, ибо его постигнет жестокое мучение и оно начнет терзать его тогда, когда он будет уже не в состоянии исправить свою вину. Огонь геенский, по моему суждению, есть не что иное, как позднее раскаяние.

Исаак Сирий⁶, сл. XVIII

Полторы тысячи лет тому назад на Востоке, близ Синайской горы, жил в маленьком ските молодой человек, по имени Данила. Скит в тогдашнее время не был похож на нынешние русские скиты, где живут монахи, у которых есть храмы и готовое содержание. В старое время на Востоке скитом называли несколько хижинок – чаще несколько пещерок в горе, да вокруг тесное огражденное место, где ютились три или

⁵ Исидор Пелусиот – причисленный к лику святых христианский писатель IV–V вв., ученик одного из отцов церкви, прославленного проповедника Иоанна Златоуста.

⁶ Исаак Сирий (Исаак Ниневийский; VII в.) – сирийский религиозный писатель, епископ, автор многочисленных философско-богословских сочинений, направленных против несовершенства человеческой природы и отмеченных психологизмом и внутренней сосредоточенностью.

четыре человека, собравшиеся по единомыслию, чтобы жить вдали от соблазнов. Люди эти вели строгую жизнь и питались трудами своих рук. Церквей у них не было и не было тоже и священников, и долгое время скитниками не управляло никакое начальство.

Скиты устраивались легко и не скрывали в себе никаких драгоценностей, а располагались они часто близко к самому рубежу крещеной земли, чтобы иметь возможность научать христианской вере «варваров». Варварами называли некрещеных людей, которых было еще много повсюду. Много их кочевало и в жарких степях близ Синая.

Порубежные скитники от варваров не скрывались, а, напротив, сами искали случая встречаться с ними, чтобы говорить им о благе, которое может миру дать Христово учение. Они старались убедить варваров, что Бог есть Отец всех людей и что воля Его заключается в том, чтобы все люди жили в любви и чтобы никто не делал друг другу никакого зла, а если кого обидят, чтобы он не мстил, но старался бы заплатить за обиду добром и победил зло любовью, ибо только одна любовь обнаруживает зло и побеждает его. Варвары же по дикости своей не понимали и не верили, что все люди равно достойны сострадания и что прощение обид может привести мир на землю. Они надеялись на силу и часто нападали на ближайших скитников, а как скитники были бедны и взять у них было нечего, то варвары забирали самих их к себе в неволю, угоняли в степи и там заставляли пленников стеречь

своих коней, ослов и верблюдов, стричь овец и сушить навоз с бурьяном на топливо.

Случилось, что варвары напали и на тот скит на Синае, где жил Данила. Сколько здесь было старых людей – они всех перебили, а Данилу, как человека молодого и годного к работе, взяли с собою, связали ему ноги, посадили на верблюда и увезли очень далеко в степь, а там приставили его караулить стада от зверей и от хищников.

Данила служил своим пленителям долго, научился ихнему языку и перекочевывал с ними с места на место несколько лет. Он их веру не порочил, а они не мешали ему верить по-своему и, замечая, как он живет с ними честно, до того в нем уверились, что совсем не стали за ним смотреть, а во всем на него полагались, будто как на своего человека. Данила несколько раз мог бросить порученные ему стада, сесть на коня и ускакать, но ни разу на это не покусился. А потом Данила стал замечать, что варвары как будто стали любить слушать, как он рассуждает по-христиански, и во многих суждениях начали сами и говорить, и делать с ним согласно. Стало Даниле и жить хорошо, и начал он разуметь, что он живет с чужими людьми не без пользы, потому что наводит их на хорошее исследование доброму учению. Но раз прискакал на своем коне один варвар, бывший на рубеже, и объявил, что крещеные прислали через него за Данилу выкуп и что теперь Данилу надо отпустить.

Данила очень обрадовался, что может вернуться к своим,

но как остался он последнюю ночь в степи под шатром, стало ему жалко и варваров. «Вот, – думалось ему, – только что некоторые из них начали было по-доброму рассуждать и поступать с другими милостивее, а вот я теперь уйду – они опять все позабудут и обратятся к старинной злобе. Мне бы их беречь в добре, а я ухожу... Ведь это и есть мое дело, для которого я оставил дом и стал жить в ските, откуда пленен был». Но желание жить в обществе своих людей христианской веры все-таки стало сильнее этих суждений, и Данила решил уйти. А варвары поделили между собою присланный выкуп, дали Даниле тыкву воды и белого пшена и послали двух верховых, чтобы проводить его до рубежа, откуда он без опасения может один идти к крещеным.

* * *

Данила благополучно воротился к себе за рубеж и стал жить прежнюю скитскою жизнью. Но это недолго продолжалось: через полгода насккали на их скит другие темнолицые варвары и опять угнали Данилу в плен и заставили его сушить навоз для огня и сторожить овец, коней и верблюдов.

Даниле теперь гораздо досаднее сделалось, чем в первый раз, да и жить ему с этими варварами показалось хуже, потому что с прежними он был уже обвыкшись и они с ним были ласковее, а эти его не знали и не заботились о нем, а показали, что делать, и оставили без присмотра.

Он стал все больше скучать и рассуждать, что варвары владеют им совсем неправильно, потому что он уже раз выкуплен, и, улучив удобное время, покинул все, что ему доверено, и убежал. И опять благополучно перебрался за рубеж крещеной земли и пришел в скит; но варвары скоро его хватились, вскочили на коней, прискакали к скиту, всю огорожу развалили, все пещерки поразметали и старых людей побили, а Данилу опять в плен повели пешим, прицепив его веревкою за шею к верблюжьему седлу. Для того же, чтобы Данила не останавливался, а скорее поспевал за верблюдом, сзади его ехал молодой варвар и колот Данилу острым копьем в спину. Подвигался Данила немощными ногами, стелая, и на след его по пескам капала его кровь.

Идучи за этим караваном, Данила вспоминал свои два прежних плена и плакал, что ни в первый, ни во второй раз над ним никогда такого свирепого тиранства не было, и почувствовал он в себе против своих мучителей несносное озлобление, особенно против того молодого сильного варвара, который был черен как мурин⁷ и ехал верхом на вороном коне в самом хвосте каравана и подгонял Данилу копьем в спину.

Поднимался против него в Даниле после каждого поранения такой дух мести, что если бы сила его взяла, то он так бы на этого варвара и бросился и убил бы его.

⁷ Мурин – черный человек, эфиоп. В некоторых церковных книгах муринами называются также бесы (Иер. 46: 9). (Примеч. автора.)

А озлобляющий Данилу молодой эфиоп все едет в высоком седле и белыми зубами скрипит, а глазами ворочает и все Данилу копьем колет.

Привели варвары Данилу на свое становище, где у них шатры раскинуты и большой и мелкий скот пасется. Тут они слезли с коней, и жены, и дети к ним из-под шатров выбежали, одни у них стали коней и верблюдов принимать и расседлывать, а другие пшено в котлах заварили, и вот все стали есть и Даниле вареного пшена на лопухе бросили, а сами разговаривают, что надо им это становище завтра кинуть и на другое идти, потому что здесь вокруг трава жаром спалена и скоту голодно.

Данила же, долго жив между варварами, понимал их разговор и думал: «Ну, если завтра меня опять идти на ногах погонят, то я не могу, и пусть они лучше сразу убьют меня мечом или пикою».

Но за ночь вышла перемена: тот самый черный варвар, который гнал Данилу, разболелся страшной горячкой, так что жена его копала руками холодную глину и обкладывала ему голову. Тогда другие сказали:

– Оставим их один шатер здесь и пленника с ними. Прикуем ему на ногу колодку, и пусть он им тут работает, а жена пусть за мужем смотрит, пока он поправится.

Данила же радовался, что он отдохнет и раны его хоть немножко заживут.

Так караван и отбыл, а один шатер остался на старом ме-

сте и при нем конь, верблюд и осел, и при них настороже Данила, а к нему за ногу приклепали на цепи толстое и тяжелое полено, с которым насилу можно было ноги двигать.

* * *

Между варварами, как и между крещеными, но непросвещенными людьми, есть такие суеверные, которые будто в Бога верят, а сами любят примечать приметы и выводить от них причины вещей по своим догадкам. Жене варвара привиделось во сне, будто Данила принес им несчастье, и она сказала это мужу и детям, и стали вместе еще жесточе озлоблять Данилу. А напослед эта варварка сказала своему мужу:

– Только ему и жить на свете, что до твоей смерти. Если же ты умрешь, то обещаю тебе, что я убью этого пленника, который принес нам несчастье, и зарою его в песке у ног твоих. Это и будет за тебя отомщение.

Данила как услышал это, так стал думать, что теперь ему делать. Время для размышления было очень коротко, а меч на его погубление близок и отточен на обе стороны. Прошел еще день, и больному стало хуже, а вдобавок в шатре не хватало воды. Только больному давали пить, и то понемножку, а эфиопка сама не пила и Даниле пить не давала, но при всем том все-таки к вечеру осталось воды в запасном кубане на самом доньшке. Данилу не хотели послать по воду, чтобы он не ушел, да он и не знал, где надо искать колодезь, а потому

поднялась сама эфиопка. Взяла она горластый муравлений кубан на плечо, а грудного мальчишку подцепила покромкой за спину и пошла к колодцу, а колодезь от шатра был на полдня пути. За собою она повела также осленка с пустыми мехами, а за мехами к хвосту посадила на костреце старшую девочку. Данила остался один при шатре, чтобы стеречь коня и верблюда и помочь повернуться больному варвару. Больной же метался в жару и гневался без порядка, спрашивая с Данилы то одно, то другое, и, прежде чем пленник успевал исполнить один его приказ, он ему заказывал другое наново. Данила и за верблюдом, и за конем смотрел, и отмахивал камышовым листом острых желтых мух, которые садились на покрытое болезненным потом лицо эфиопа, и пек для него в раскаленных камнях у поднятой полы шатра катышки из просяной муки. А жар палестинский такой, что и здоровому его нет силы вытерпеть, не только больному, и эфиоп все просит пить, и когда всю последнюю воду выпил, то стал говорить, будто ее выпил Данила.

В большом раздражении варвар потянулся, достал из накаленных камней один и бросил его горячий Даниле в лицо, а Данила же, не стерпев боли, схватил другой камень и так треснул им эфиопа по голове, что тот и не вскрикнул, а протянулся ничком и руки, и ноги врозь растопырил. Данила его приподнял и увидал, что у него уже язык в зубах закусился и один глаз выскочил и у виска на жиле мотается и на Данилу смотрит.

Данила понял, что эфиоп убит, и сейчас же подумал: «Ну, теперь мне пропасть, если я не скроюсь прежде, чем вернется эфиопка!»

Хоть она женщина, но, однако, для Данилы она была страшна, потому что у него на ногах прикована колодка и ему несвободно защищаться.

Он положил колодную цепь на один камень, а другим стал колотить по звеньям и цепь разбил, а мотавшееся на ней тяжелое полено с ноги сбросил; и сначала зарезал ножом верблюда, достал у него в брюхе воды. Вода была не мутная, но склизкая, как слюна, но Данила, однако, напился ею, а потом сел на варварова коня и помчался по пустыне. Несся он на коне в том направлении, в каком, по его приметам, надо было держать к крещеной земле.

* * *

Проскакал Данила по знойной степи весь день до вечера, не щадя скакуна, и сам ничего не ел и все боялся: в ту ли он сторону едет, куда нужно? Ночью, когда вызвездило, он поднял лицо к небу и стал соображать по созвездию Ремфана⁸: где рубеж крещеной земли, но в это время добрый конь арабийский под ним храпнул, затрясся и упал на землю, придавив Даниле голень ноги.

⁸ Ремфан – Сатурн, которому поклонялись скитавшиеся в пустыне израильтяне (Ам. 5: 26; Деян. 7: 43).

Данила едва выпутался и стал побуждать коня подняться, но он не поднимался. Зашел Данила ему с головы и видит, что у него ясный месяц в утомленных больших глазах играет и отражает, как один брат убивает другого.

Данила понял, что конь уже никогда больше не встанет, и пошел дальше пеший.

Шел он всю ночь и, мало заснув, на заре опять поднялся и шел до полуденного зноя, и вдруг стал чувствовать, что ноет у него придавленная голень и изнемогают все его силы от усталости, от жажды и голода.

Пошел он еще через большую потугу, разнемогся еще более и упал с ног долой, и все перед ним помутилось и в очах, и в разуме, и пролежал он так незнаемый час, доколе почувствовал прохладу и, раскрыв глаза, увидел над собою созвездие Ремфана и все другие звезды в густой синеве ночного аравийского неба.

Шевельнул Данила руками и ногами, а ни ноги, ни руки его не слушают, – только одна память ясно светит. Вспомнил Данила, откуда он ушел и куда стремится и как он шел из первого и из второго плена, и насколько последний, третий плен был для него тягостнее; в первый раз он мог научить людей доброму, да ушел и не научил, а во второй раз доверия лишился, а в третий с ним уже обращались немилостиво и все ему шло хуже до той поры, пока он убил камнем варвара, зарезал ножом верблюда, задушил усталостью чужого коня и теперь вот он сам в таком положении, что его или хищный

зверь растерзает, или встречный варвар опять в новый плен возьмет, а там когда эфиопка возвратится в шатер и увидит убитого мужа, то как она начнет ужасно стенать, как будет биться и проклинать его, который сделал ее вдовою, а детей ее сиротами... А сам эфиоп лежит перед ним, как и прежде, растопырив руки и ноги, и косит на Данилу оторванным глазом. И сделалось от этого взгляда Даниле так жутко и страшно, что он поспешил закрыть свои глаза, но темный эфиоп в нем внутри отражается. Не грезится, не ропщет и о детях не тоскует, а только тихо устами двигает.

«Что такое он мне говорит?» – подумал Данила, а эфиоп в нем отвечает:

– Я, брат, теперь в тебе поживу.

После того опять забылся и опять через неизвестное время пришел в себя Данила, и было это на вечерней заре, а первое, что он ощутил, это с ним вместе пробудился в нем и эфиоп.

Данила стал осуждать себя: зачем он убил эфиопа?

– Если бы не было это противно духу Божию, не болел бы во мне дух мой и черный эфиоп не простерся бы во всю мою совесть. Заповедь Божия пряма: «Не убей»⁹. Она не говорит, «не убей искреннего твоего, но убей врага твоего», а просто говорит: «Не убей», а я ее нарушил, убил человека и не могу поправить вины моей. Учил я других, что все люди братья, а сам поступил как изверг – освирепел как зверь и пошел

⁹ 6-я заповедь Божия (Ис. 20: 13).

громоздить зло против зла, и сделал и убийство, и хищничество, и разорение, и соделал, что жена человека стала вдовой, а дети его сиротами... И за то я чувствую, что осужден я в духе моем и приставлен ко мне простирающийся во мне истязатель. Встану скорей и пойду назад в пустыню, откуда бежал, найду шатер варвара и его вдову и сирот – повинюся перед нею в убийстве и отдам себя на ее волю: если хочет, пусть обратит меня в раба и я буду вечно трудиться для нее и ее сирот, а если хочет – пусть отдаст меня на суд кровных своих, и приму от них отмщение.

Сказав это себе, Данила поднялся и пошел на дрожащих ногах в обратную сторону, а эфиоп был с ним и говорил:

– Иди, Данила, на рабство и на казнь, – иди, не опаздывай, чтобы не было тебе еще что-нибудь худшее, потому что ты убил человека, ты расхитил его имение и сделал жену его вдовою, а детей его сиротами. Не ищи оправдания ни в какой хитрости, потому что не дозволено убивать никого.

И еще шел Данила и увидал падаль загнанного им варварского коня, над которым теперь сидели орлы и рвали его внутренности...

Но сколько он дальше ни шел – не находил ни шатра, ни верблюда, а стал чувствовать, что силы его оставляют и все следы и приметы пустыни в глазах его путаются.

Видит Данила вокруг себя махровые крины и белоснежные лилии, а между них человечьи и верблюжьи следы и туда и сюда по степи перекрещены во все стороны, и надо всем то

свет сверкнет, то вихорь завьется, а в нем самом, в глубине его духа, будто тьма застилает все, и обнимает его эфиоп, и валит его как ком в изветренную горячую пыль, и сам в нем ложится и засыпает...

«О горе! – подумал Данила. – Это ведь ангел тьмы посылается в плоть мне!¹⁰ Какое есть от него избавленье?»

* * *

Не придумал он себе избавления, и не скоро после этого открыл опять свои глаза Данила, а открывши, долго не мог опознаться: в каком он месте находится. Чувствует он в воздухе палящий зной, на небе горит огнем жгучее солнце, но он заслонен от припека, – кто-то прибрал его в тень, – он лежит на сухом тростнике под окопцем. В окопце прохладно за оградой из сложенных камней, по камням ползут желтые плети тыквы, а как раз против его глаз белый меловой срез и в нем узкий вход в меловую пещерку, возле входа сидит на коленях старичок и плетет руками корзинку.

Старичок как заметил его пробуждение – сейчас и заговорил ласковым голосом:

– Будь благословен Господь, возвращающий тебя к жизни. Сейчас я подам тебе воды.

Данила спросил:

¹⁰ «Ангел сатаны» внедрялся как жало «в плоть» человеческую, дабы человек «не превозносился чрезвычайностью откровений» (2 Кор. 12: 7).

– Как твое имя, авва?¹¹

– Имя мое «грешник», – отвечал старичок, – но не тревожь себя разговором, укрепись и тогда побеседуем. А пока знай, что ты находишься среди христиан на богожественной горе Синай, а это моя пещерка, где я прожил уже сорок лет, а привез тебя сюда христианский караван, который поднял тебя сожженного солнцем и лишеного чувств в дикой пустыне.

Когда же Данила обмогнул, он рассказал пустыннонику все, что с ним было, ничего не утаив, и выразил скорбь свою и жалобу: как мучит его совесть.

– Я простой, бедный грешник и не умудрен, чтобы подавать советы, где нужно большое познание. Нас, неученых, стали теперь вразумлять патриархи. Иди в Александрию к Тимофею – он в сане великом и знает, как судить всякое дело.

Данила встал и пошел в далекий путь в Александрию, где в ту пору сидел на патриаршем престоле Тимофей Элур¹².

Данила пошел к патриарху.

¹¹ Авва (древнеевр.) – отец.

¹² Тимофей Элур – александрийский патриарх, принадлежавший к монофизитам, которые трактовали двойственность природы Христа-Богочеловека как поглощение человеческого Божьим, что было осуждено как ересь в 451 г. Халкидонским собором.

Патриарх был занят тем, как в это время стояли церковные споры Византии с римским папою, и, выслушав бедного пришлеца, сказал ему:

– Что ты напрасно нудишь себя и без дела докучаешь пустяками нашему смирению. Ты был в неволе насилием и в том, что ты убил некрещеного варвара, тебе нет никакого греха.

– Но меня мучит моя совесть – я заповедь помню, которою никого убивать не позволено.

– Убийство варвара к тому не подходит. Это не то, что убийство человека, а все равно, что убийство зверя; а если боишься ответа – иди в храм убежный.

Но Данила искал не того, и не утешили его слова Тимофея.

– Может быть, правду о нем говорят, что он неправо держит учение Христово. Не пощажу трудов моих и пойду в Рим к папе, – он, верно, иначе рассудит и научит меня, что мне сделать.

Пришел Данила в Рим и удостоился предстать папе¹³, который собирался тогда в Византию и обдумывал: как согласить то, что ранее объявили за несогласное.

¹³ Папа римский упоминается в старых книгах, употребляемых в русском староверии, которое к «старому Риму» относится с уважением. (Примеч. автора.)

Папа его выслушал и говорит:

– Тебе хорошо сказал патриарх Александрийский, – я с ним в другом не соглашаюсь, а в этом согласен: убийство варвара – это совсем не то, что запрещено заповедью. Иди с миром.

– Благодарю твое святейшество, но только яви мне милость – укажи во святом Христовом Евангелии то место, где это так изъясняется.

– Для чего это тебе? Как ты смеешь не верить папе!

– Прости мне, – ответил Данила, – слух мой слова твои слышит и хочу тебе верить, но совесть не принимает: с часа убийства я вижу ее в черноте эфиопа и через то не могу быть в мире.

Папа опалился на Данилу и сказал ему выйти вон.

Данила удалился, но все чувствовал, что мира в нем нет, – что совесть его по-прежнему говорит то же самое, что внимал с первого раза в пустыне, и ни папа, ни патриарх его эфиопа не умыли.

«Нельзя мне так это дело оставить, – подумал Данила, – эти оба священства теперь сильно заняты другим – как им друг друга оспорить, но ведь, кроме их, есть еще и другие патриархи, которые, может быть, иначе умствуют. Мне не сладить с собою, и я себя не пожалею: пойду ко всем патриархам, в Ефес и в Иерусалим, в Царьград и в Антиохию. Который-нибудь из сидящих на престолах патриархов умудрит меня и скажет, как я могу убелить терзающего меня эфио-

Пошел Данила в Ефес, добился свидания с тамошним патриархом и открыл ему об убийстве варвара и об ответах александрийского патриарха и римского папы и, кланяясь, сказал ему:

– Помилуй меня, святой отец, – дай мне средство утолить муки моей совести. Папа и святейший Тимофей тебе не указ, ты сам напоен Божественной мудрости и зришь в тайны Божии: капни каплю благоразумия твоего в мой бедный разум; скажи, что мне делать?

Ефесский патриарх отвечал, что он, конечно, имеет свой дар проникать в тайны смотра, не пытая ума у Тимофея и папы, но на тот счет, о чем Данила просит, он согласен и с Тимофеем, и с папою: убить варвара вовсе не противно учению христианскому.

– Вот я только в этом и хочу удостоверения: покажи мне это в слове Христовом!

Патриарх Ефесский не показал, а сказал: «Что тебе еще надо! Ты невежда» – и не захотел с Данилою больше разговаривать, а отпустил его, как и прежние, – с миром.

Отправился Данила в Царьград, в Иерусалим и в Антиохию и исповедывал свою совесть патриархам Цареградскому, Иерусалимскому и Антиохийскому, и все они, хотя об

ином, чего Данила и понять не старался, рассуждали друг с другом не сходно, но насчет убийства человека другой веры все были одного мнения: все сказали, что убить иноверца и обидчика – это вовсе не грех и что Даниле совсем не о чем скорбеть, что он убил варвара.

– Но что же мне сделать с эфиопом! Вы не знаете, как черен и смраден эфиоп, который живет в моей совести, – говорил им Данила.

А они ему отвечали:

– Перестань мыть этого эфиопа – это все равно, что бородить огонь и варить камни.

Данила не знал больше высокоосвященных владык и с горя решил идти в свой город, откуда был родом, чтобы предстать там своему князю и просить над собою суда за убийство.

И когда Данила лег спать в эту ночь, он увидел в полусне совесть свою: она уже не была так черна, как мурин, а показалась ему смуглою, как дитя, рожденное от эфиопки и эллина.

* * *

Добрался Данила до своего города и, не разыскивая сродников, стал похаживать около княжьего терема, с надеждою увидеть кого-нибудь из княжеских отроков и просить их привести его перед лицо князя.

Отроки спали, а заметил Данилу княжий приспешник¹⁴ и закричал на него:

– Что ты здесь, нетяг ленивый¹⁵, болтаешься? Верно, устал и оголодал от праздности и пришел сюда обнюхивать кухонные очаги у князя! Здесь нет для тебя лакомых снедей!

А Данила ответил:

– Я не ищущу обонять очаги, чтобы насытиться лакомых снедей, и совсем не забочусь о моем внутреннем мешке. Если бы я хотел откармливать себя как птицу, жиреющую впотьмах неведения, я не обошел бы столько, сколько обошли мои ноги.

Приспешник подумал: быть может, это отец Мартиан, который в два года обежал сто шестьдесят четыре города, скрываясь от женщин, и все-таки везде их находил, – и он закинул за плечи свой фартук и положил ложку, которою снимал пену, и сказал:

– Я, пожалуй, налью тебе сочного варева и отрежу печеного мяса, а ты съешь поскорей и расскажи мне: как ты от женщин бежал и как они за тобой гнались и каким родом тебя соблазняли.

Данила ответил, что он ни взвара, ни мяса не хочет и женщины ему нигде жить не мешали.

¹⁴ Приспешник – прислужник.

¹⁵ Нетяг ленивый – тавтологический оборот, построенный на заимствовании Лесковым из «Лексикона славеноросского» (1627) Памвы Берынды, где пояснено, что слова «нетяг» и «ленивый» имеют одно и то же значение.

– Так чего ж тебе нужно и зачем ты пришел?

– Я убил человека и мучаюсь от этого в совести. Я уже обошел всех патриархов и папу и всем каялся.

– Вот ты счастливец, сколько ты видел святыни. Это не то что я, несчастный, верчусь у моего очага. Хочешь, я тебя угощу крылом красной птицы, а ты мне скажи поскорей: что сказали тебе патриархи и папа?

– Они мне сказали, что на мне нет греха за убийство, но я этого не чувствую и пришел теперь к князю.

– А это ты и напрасно сделал, – сказал приспешник. – Я от природы охотник все знать и скажу тебе прямо, что если тебе не удовольнил своим прощением патриарх, носящий образ великого Марка¹⁶, то может ли князь что-нибудь тебе сделать. Он тебе не простит убийства.

– Вот я того-то и желаю, – отвечал Данила.

– Ты хочешь получить смертное наказание?

– Я хочу получить то, чего я достоин, чтобы дух мой отстрадал свою вину и очистился.

– А это тоже любопытное дело: у князя есть судбищное место, где он садится и разбирает народ. Ты положи здесь вот эту лепешку, а я разбуду княжьих отроков и приду послушать, когда князь разберет твое дело: велит ли он тебя распять на дереве или прикажет тебя отвести на потраву в зверинец.

Приспешник побежал сказать о Даниле княжьим отрокам,

¹⁶ То есть названный именем св. апостола и евангелиста Марка.

а те взяли его, отвели к темничному стражу и велели держать под крепким караулом, пока князь захочет судить людей и тогда его потребует.

Набили Даниле на шею тяжелую колодку и бросили его в яму надолго.

* * *

Дожидался Данила в яме княжьего суда не день, не два и не месяц, а много лет; во все это время князь был то на ловах, то в боях, на пирах и в ристаньях, но, наконец, раз он воротился в свой стольный город и, всеми иными делами наскучив, захотел рассудить ожидавших его связней. Вышел для этого князь из терема и сел на свое место, а отроки начали подводить к нему одного за другим виноватых и сказывать на них вины, какими кто преступился.

Князь всех рассудил и приказал, кто кому должен заплатить и кого за какую провинность чем наказать надо, а когда дело дошло до Данилы, то отроки о нем сказали:

– Этот старый человек, которого видишь (ибо Данила уже состарился) явился сам на твой суд по своей доброй воле. Он сказывает на себя убийство.

Князь удивился, что Данила уже стар и слаб – так, что едва ли он мог с кем-нибудь сильничать и кого-нибудь убить.

А Данила ему отвечает:

– Это я состарился, княже, от моего греха. Истерзала меня

совесть, в которой я много лет волочу эфиопа, но когда я сделал убийство, я тогда был еще молод. Дозволь рассказать тебе все и рассуди меня, как бы я только вчера сделал мой грех.

– Хорошо, – сказал князь, – я тебе это обещаю.

Данила и рассказал князю все и прибавил, как он ходил ко всем патриархам и к папе и что они ему отвечали.

– Что же: неужели тебя это не облегчило? – спросил князь.

– Нет, мне стало еще тяжелее.

– Отчего?

– Оттого, княже, что я начал думать: не закрыли б от глаз наших слово Христово слова человеческие, тогда отбежит от людей справедливость и закон христианской любви будет им все равно как бы неизвестен. Я боюсь соблазна и не ищу далее вразумления от освященных, а предстал пред тобою и прошу себе кары за смерть человека.

И Данила упал и простерся перед князем на землю.

Князь же, взглянув на Данилу пристальным взглядом и видя на лице его слезы и терзающую скорбь, отвечал:

– Старик, ты смутил меня. Давно не видал я того, что на лице твоём вижу: вот ты имеешь добрую совесть, и я вижу, что ее носить нелегко. Рад бы тебе я помочь, но суда патриархов я отменять не могу, а, как князь, в своем смысле еще нечто добавлю. Если бы ты убил человека нашего княжества и святой веры нашей, тогда я бы тебя осудил к платежу или к

казни на смерть, но как же я тебя осужу, когда ты убил врага-супостата, некрещеного варвара! Не они ли, скажи, делают из-за рубежа набег на княжество наше, не они ли угоняют наш скот и уводят людей? Как же нам их жалеть?... По моему, ты хорошо сделал, что убил одного варвара, а еще бы лучше сделал, если бы убил семерых варваров, тогда бы ты от меня еще большей хвалы был бы достоин.

Данила же, услышав это княжее слово, ощутил в груди своей живую бодрость и сказал:

– О князь! хорошо ты говоришь об угнатом скоте, но жалко, что о забытом Христе плохо знаешь: меч изощряешь, мечом погубляешь и сам от меча можешь погибнуть¹⁷.

И стал Данила вдруг горячо говорить из Христовых словес о врагах и так пронял всех, что князь поник головою и все его слушал, а потом сказал:

– Иди, авва, слово твое верно, да в нас не мститися, ибо наше благочестие со властью сопряжено и страхом ограждается. – И, не глядя на Данилу, князь поднялся и пошел к себе в терем, а отрокам своим велел хорошо накормить Данилу, дать ему одежду и отпустить, куда хочет. Но Данила велел сказать поклон князю, но ни хлеба ни соли есть не стал и одежды не принял и не пошел в город, потому что там все в заботах как в волнах на тонущем корабле заливаются, а пошел за город, как был, в своем рубище. Пройдя много, он очутился в далеком, безмолвном и возвышенном месте, от-

¹⁷ Неточная цитата из Мф. 26: 52.

куда перед ним открывалась безбрежная степь. Душе Данилы здесь стало легче, чем было в Риме, и в Византии, и перед судилищем князя; жизнь его быстро пробежала теперь перед ним, как скороход на площади, и он всю ее снова увидел. Он припомнил, как отбежал бодрый от рук матери, а до теперешней черты достиг утомленный, и назло себе слышит, что все его горе совсем будто и не горе, никто его не осуждает за то, что он убил человека иной веры и иной державы, а еще все ему в ладоши плещут, но зато эфиоп его своего места держится: он только мало посветлел, но сидит в нем по-прежнему.

– Немилосердный ты! – воскликнул, ударив себя в грудь, Данила. – Куда я тебя ни носил, кому я тебя ни показывал, никто мне не дал средства убелить твое безобразие: чего же ты от меня хочешь?

А эфиоп ему отвечал:

– Слепец ты, бедный Данила! Как это ты во столько лет не умел узнать: кто тебе друг и кто недруг? Я твой друг, потому что я не даю тебе покоя, а ты себе враг, потому что ты ищешь забыть меня. Без меня ты мог бы остаться с обольщением, которое бы тебя погубило.

Данила подумал и понял, что гнетущую его совесть взаправду надо считать не за кару неумолимого Бога, а за доброе напоминание, не допустившее Данилу до легкого усыпления себя, и он обрадовался и, заплакав от счастья, воскликнул:

– Как благ Ты, о Боже, меня наказуя! Но где же, о где взять исцеленья тому, кто угасил светильник жизни, не им запаленной?

– Как пролитой на землю воды не сберешь обратно в кувшин, так не возвратишь и жизнь тому, у кого ее отнял, – прозвучал эфиоп. – И ты должен был это знать и, сделав зло, не тратить силы и время на разговоры, а должен был делать дело.

– Но что же я могу делать?

– Смотри не так высоко, а пониже.

Данила встрепенулся и стал вглядываться вдаль по земле. Опять он видит ту же сухую степь, но зато впереди себя, и невдалеке, замечает что-то, ни на что не похожее. Лежит что-то такое, не имеющее вида, – что-то одного цвета с пылью, не живое и не мертвое, – будто как ком земли, а меж тем содрогается.

Данила встал и пошел к этому неподобию и увидел зловонного прокаженного человека, у которого уши, и нос, и персты на руках и ногах – все отпало, и череп обнажился, и глаза выпали, – а зияла только одна пустая пасть на месте рта и оттуда исходит невыразимый смрад и сиплое шипение.

«Кто его сюда занес и кто его здесь поит и кормит? – подумал Данила. – Но пока не вижу того, кто о нем заботится, пойду принесу для него пищи и напою его водою».

Отыскал Данила воды и принес в пригоршнях и с ужасом стал вливать ее в пасть прокаженному, а потом остался ждать

того, кто придет и уберет его на ночь. Но никто не приходил, а меж тем спустилася тьма и сделался резкий холод, и прокаженный начал ежиться и щелкать пастью. Это было так страшно, что не только сердце, но все кости в Даниле затрепетали, и он вдруг понял, что ему надо делать, и сказал себе:

– Вот мне урок и работа. За то, что я смел считать Бога бессильным изменить к добру живую душу варвара и убил его, я должен отдать мою жизнь тому, кто без надежды страдает. Стану служить этому безнадежному трупу, доколе в нем тлеет угасающий уголь его жизни.

И Данила снял с себя, какое на нем было, ветхое лохмотье и одел им прокаженного, а сам остался голый. Потом он опять нашел воду и еще раз напоил больного из своих ладоней; потом отыскал в глине ущелинку, раскопал ее пошире руками и снес туда прокаженного. К телу Данилы прилипали струпья и гной прокаженного, но ему не было скверно и он не боялся заразиться. Он нашел дело и стал жить около прокаженного, ходя днем на торг, на поденщину, а ввечеру приносил прокаженному пищу. Так и шло, пока узнали, что он общается с прокаженным, и не стали его пускать в город. Тогда он насеял бобов, они скоро выросли, и Данила, и прокаженный – оба ими питались.

Когда же прокаженный совсем распался и жизнь его оставила, тогда Данила понял, что ему надлежало бы начать с первой минуты, когда он совершил грех, убив варвара, но теперь он был уже стар и не мог принести людям такой поль-

зы, какую мог бы приносить в хорошей поре своей.

– О Данила! Данила! – сказал он себе. – Не драть бы тебе взоры высоко, а давно глядеть бы по земле да искать, кому ты мог быть полезен. А теперь вот и издыхай, как старый пес: ты уже никому ни на что не годишься.

– О авва, авва! Как я тебя ищу и как ты мне нужен! – прозвучал к нему голос, и Данила увидал перед собою юношу в пышной одежде.

– Авва, – начал он, – я пришел к тебе издалече: я был большой грешник.

– Что же делать. Исправься.

– Да, я узнал, в чем ученье Христа, и хочу жить по Его примеру.

– Ты блажен, – отвечал Данила.

– Я расстался с людьми и пришел к тебе, чтобы быть твоим учеником.

– Если тебя коснулася любовь Христа, то тебе уже непристойно быть ничьим учеником.

– Так ты, по крайней мере, хоть однажды поруководи меня.

– Хорошо. Только будь мне послушен.

– Ей, авва, буду.

– Оставайся при одном ученье Христа и иди служить людям.

1888 г.

Аскалонский злодей, или Происшествие в Иродовой темнице (Из сирийских преданий)

*Мужчина, любви которого женщина отказывает, становится диким и жестоким.
Лукреций¹⁸*

*Наши отдаленные предки в припадках любви не довольствовались вздохами или золотом, как это принято теперь, а они доходили до жестокой борьбы, в которой те и другие падали мертвыми, – будь это для уничтожения сопротивления одной женщины или для удаления соперника. Их грубая любовь, на наш современный взгляд, есть карикатура любви.
Ц. Ломброзо¹⁹*

В Сирии, на восточном берегу Средиземного моря, севернее Газы и южнее Азота²⁰, стоял город Аскалон, которого нынче нет. По-еврейски он назывался Джора. Аскалон, или Джора, был основан в глубокой древности филистимляна-

¹⁸ Тит Лукреций Кар (99–55 до н. э.) – римский поэт и философ.

¹⁹ Цезарь (Чезаре) Ломброзо (1835–1909) – итальянский психиатр и криминалист.

²⁰ Газа, Азот (Ашдод) – крупные портовые города Южной Палестины.

ми²¹ и разрушен турецким султаном Саладином²². В долгий век этого города ему привелось быть языческим, христианским и мусульманским. В один из этих периодов или, лучше сказать, в один из переходов от одного положения к другому там случилось следующее характерное происшествие, отмеченное отчасти в писаниях Евсевия из Аскалона²³.

Глава первая

В то время как в Аскалоне устанавливалось христианство, жил там один богатый купец-корабельщик, по имени Фалалей. Он узнал об учении Христовом в чужих краях и захотел ему следовать, но нехорошо его понял, – жена же его, по имени Тения, еще оставалась в язычестве. Оба супруга были в цветущей поре жизни: Фалалей имел тридцать пять лет, а жена его Тения двадцать четыре года. Фалалей был отважный и искусный мореходец, а Тения обладала замечательною женскою красотой и превосходною кротостью доброго характера. Ласковое обхождение Тении с людьми делало эту женщину приятною для всех, кто ее знал, и все аскалонские граждане, которым было известно это супружество,

²¹ Филистимляне – народ, от имени которого возникло название Палестины (в буквальном переводе с древнегреческого – «страна филистимлян»).

²² Аскалон был разрушен египетским султаном Салах-ад-дином в 1192 г.

²³ Евсевий из Аскалона (иначе: Евсевий Памфил, Евсевий Кесарийский; ок. 263–338, 339) – писатель, составивший знаменитую «Церковную историю» (очерк христианства до 324 г.) и «Житие императора Константина».

считали их за людей, достойных уважения, и притом почитали Фалалея-морехода человеком необыкновенно счастливым через то, что он имел жену, исполненную всех телесных и душевных изяществ.

Тения происходила из семейства, которое пользовалось почетною известностью: отец ее, Полифрон, был языческий жрец, имевший хорошие познания в науках и непреклонный нрав, повинувшись которому, незадолго перед этим сделался жертвою переходных порядков при царе Иустиниане²⁴ и жене его Феодоре²⁵. Тения получила в доме отца хорошее воспитание и по тогдашнему времени могла считаться женщиною отлично образованною для житья в обществе, при хороших достатках: она была бережливая и старательная хозяйка и обладала приятным искусством прекрасно петь и играть на многострунной арфе. При этом ей также не чужд был дар стихотворства: она могла очень быстро слагать в уме своем те самые песни, которые пела.

По красоте и по стройности жены корабельщика, а равно как и по приятности ее нрава и обхождения ей не было равной в Аскалоне, и все называли ее здесь не иначе, как «изящ-

²⁴ Юстиниан I Великий (483–565) – византийский император с 1 августа 527-го вплоть до своей смерти в 565 году. За последовательную поддержку христианской церкви и искоренение язычества в Византии причислен к лику святых.

²⁵ Феодора (начало VI в. – 548) – супруга и соправительница императора Юстиниана I. В юности была гетерой и актрисой. Официальные жизнеописания называют ее «раскаявшейся грешницей». Уже в период брака с Юстинианом много занималась благотворительностью. Вместе с мужем причислена к лику святых.

ная Тения».

Супруги жили в полном между собою согласии, в наследственном доме, при котором был обширный сад с фруктовыми деревьями: сад этот, доходивший до самого берега моря, давал в знойные дни тень и прохладу. Семья у Фалалея и Тении была невелика, они имели только двух маленьких детей – сына, по имени Витт, и дочь, которую звали Вирина. Еще с ними же вместе в одном доме жила мать Фалалея, старая вдова, по имени Пуплия, которая посещала со своим мужем Византию и Рим и, подобно сыну, тоже приняла христианство, но тоже нехорошо его понимала.

Дом Фалалея и Тении был один из самых красивых в Аскалоне. Он был просторен и светел и содержался в отменной чистоте. В глубине отененного двора был помост из пахучего дерева, где в самый пеклый зной мирно и тихо играли Витт и Вирина под надзором бабы их Пуплии. Весь двор окружали резные колонны из того же пахучего дерева; резные двери были украшены жемчугом и бирюзой, а окна завешаны пурпуром и индийскими вышивками, а посередине бил фонтан прозрачной и свежей воды. Но главное богатство Фалалея состояло не столько в доме, как в десяти больших кораблях, на которых он возил сандал²⁶, камфору, мушкатный орех и иные продукты и товары в Александрию и к другим известным тогда портам Востока. Торговые дела шли у Фалалея очень удачно, но неверно понятое христианство не изменило

²⁶ Сандал – дерево с ароматной эфирноносной древесиной.

его языческих взглядов, а излишнее богатство сделало его безрассудным: так, чем он больше богател, тем сильнее увеличивалась в нем алчность и ему хотелось иметь еще более золота, и казалось, будто это непременно так и нужно.

Такая жадность мужа к богатству причиняла кроткой Тении большое беспокойство, и она не раз предостерегала Фалалея, чтобы он не поддавался этой страсти и жил спокойнее, потому что и того, что он уже успел приобрести, было довольно для жизни без нужды и лишений, но Фалалей не хотел послушаться Тении, и в жажде новых добытков он все продолжал доверяться непостоянному морю, лишь бы только разбогатеть еще более, так чтобы богаче его уже не было никого в Аскалоне. Напрасно Тения указывала ему и на то, что желание большого богатства не только не отвечает учению избранной им христианской веры, но даже запрещено ею, – ничто это не останавливало Фалалея. Напоминание о христианской вере даже заставило мореходца рассердиться на останавливавшую его благоразумную жену, и он сказал ей:

– Ты никогда не должна говорить мне об этом.

– Почему ты это мне запрещаешь?

– Потому, что ты, выросшая в язычестве и в нем пребывающая, не можешь понимать христианскую веру и не в состоянии рассуждать о ней как должно.

– Я знаю одно, что ваш Учитель просил делать добро и не собирать богатства.

Фалалей отвечал:

– Да; ты знаешь одно, но не знаешь другого. В нашей вере есть то, что тебе непонятно: чтобы быть добрым, надо иметь чем людям помогать: я хочу быть не только кроток, как голубь, но и разумен, как змей²⁷. Я наживаю богатство и хочу иметь еще более – это все правда; но это вовсе не с тем, чтобы кичиться богатством, как делают ваши язычники и вообще гордые люди, а я богатею с тем, чтобы, собрав много в своих руках, потом излить это на всех и начать благотворить своим по вере. Поверь, что когда в моих руках соберется столько богатства, что все будут беднее меня, тогда я сумею быть более добрым, чем могу сделать теперь, а ты лучше не мешайся не в свое дело и не осуждай меня за то, что я хочу быть очень богатым.

Тения умолкла, но оставалась при своем мнении, а Фалалей, почитая слова жены за пустое, продолжал все изыскивать новые способы для расширения своей торговли: он умножил свою флотилию даже до тридцати кораблей и снял во всех портах всю торговлю сандалом, камфорой и мушкатным орехом. Некоторое время дело у него шло хорошо, но раз случилось дурно; Фалалей, кроме камфоры и сандала, набрал много других драгоценных товаров у посторонних торговцев, нагрузил все это на свои корабли и поплыл в море. Сначала плавание было благоприятно, но, когда корабли Фалалея проходили против Кирены, вдруг поднялась

²⁷ Неточная цитата из Мф. 10: 16: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби».

ужасная буря и двадцать девять из кораблей Фалалея утонули со всеми бывшими на них товарами и мореходцами, и только один, тридцатый, на котором шел сам Фалалей, спасся с остатками груза. Корабль этот был сильно испорчен и не мог идти далее: он имел порванные паруса и поврежденные снасти и в таком виде повернул назад к Аскалону.

Обратное плавание тоже было тяжелое, но, однако, корабль уже приближался к Аскалону и, вероятно, вошел бы в Иродову пристань, но тут-то именно вдруг и погиб, сделавшись жертвою злодейского умысла жителей одного близкого к Аскалону селения, лежавшего на самом берегу моря за грядою подводных камней. Жители этого берегового селения зажгли фальшивый огонь, чтобы навести корабль на погибель, и достигли этого с полным успехом. Расшатанный корабль Фалалея как ударился о первый камень, так и расселся, а сторожившие этот случай селяне тотчас же подоспели на легких челнах и прикончили пльвших и моливших о помощи корабельщиков ударами весел по их головам. Перекотив всех людей, поселяне расхватали остатки товаров и, после драки между собою, увезли, кто что успел взять, в свои хищничьи жилища.

При этой схватке Фалалей мужественно защищался, но упал, раненный, с борта в море и пльл, теряя последние силы, к одному из усмотренных им в темноте челноков. На этом челноке он видел необыкновенно большерослого, полуголового человека с красным платком на голове и надеялся

получить от него помощь и защиту, но ошибся. Человек этот тоже был грабитель и держал в одной руке горящий факел, а в другой тяжелый багор. Когда Фалалей к нему подплыл и взмолился к нему, помянув имя Христово, злодея не тронула эта мольба: он осветил утопающего факелом и, махнув багром, ударил им Фалалея по голове. Затем для Фалалея сразу все кончилось – и усталость, и страх, и страдание, и заботы нажить больше всех в Аскалоне, чтобы потом благодотворить из богатой наживы и сделаться добрым.

Глава вторая

Несмотря на смертельный удар, полученный Фалалеем, он, однако, не утонул. Неожиданным и удивительно счастливым случаем он прицепился одеждой за гвоздь плившего сломанного руля, который его и потащил на себе. Морские волны прибили руль, а на нем окровавленного и едва живого Фалалея к Иродовой пристани, которая называлась так потому, что ее устроил в Аскалоне царь Ирод Великий²⁸. Грузовщики, работавшие на судах в Иродовой пристани, заметили бесчувственного человека, плившего на сломанном руле, и вытащили Фалалея на берег. Они сняли его как мертвеца, надеясь найти на нем что-нибудь ценное, но потом увидали,

²⁸ Ирод Великий (ок. 73-4 до н. э.) – царь иудейский, отличавшийся подозрительностью и жестокостью. Согласно евангельской истории, приказал убить в Вифлееме всех детей младше двух лет, надеясь, что среди убитых окажется новорожденный Иисус, Которого Ирод считал угрозой для своей власти.

что это их согражданин Фалалей-мореходец, и удивились. А как в нем еще были заметны признаки жизни, то грузовщики сняли его и стали его трясти и подбрасывать, чтобы он очнулся, а в то же время послали отрока²⁹ к нему в дом за его матерью Пуплией, и за женою его Тениею, и за детьми их Вириной и Виттом.

Фалалей очень счастливо прицепился за руль, так что голова его все время была наружи, – от этого только он не захлебнулся и не наглотался соленой воды через меру, так что его скоро удалось привести в чувство.

Когда изящная Тения и старая Пуплия с Вириной и Виттом прибежали в Иродову пристань, то Фалалей уже открыл глаза; он сейчас же узнал жену, и своих малолетних детей, и бабуку их Пуплию и горько заплакал. Фалалей сразу понял свое положение и, обратясь к жене, сказал ей:

– О, я вижу теперь, как ты была права, добрая Тения! Но для чего я не слушал тебя в свое время? Для чего я так упорно желал иметь много богатства?

Вот теперь я и наказан за то, что я не знал сытости и хлопотал иметь больше прочих. Отныне мы нищие и я не в силах буду сделать ничего доброго людям, о которых я, по правде сказать, думал гораздо менее, чем о том, чтобы быть всех знатнее по своему богатству и уделять бедным только крупицы.

Тения на это отвечала мужу кротко:

²⁹ Отрок – здесь: слуга на низшей (младшей) должности.

– Я говорила тебе ранее то, что тогда внушало мне справедливое сердце, но теперь скажу другое: не сокрушайся о том, что потерял нажитое богатство. Мы еще имеем глаза, чтобы видеть, и руки, чтобы ими трудиться: мы можем достать хлеб и кров для наших детей трудами рук наших. Ведь так живут еще очень многие люди на свете.

Фалалей ободрился и, взяв Тению за руку, сказал:

– Ты права; голубка, витающая в душе твоей, могла бы одолеть моего змея, если бы дело шло только о нашем богатстве, но я погубил тоже и много чужого. Этого не простят мне.

– Ну, что делать, – отвечала Тения.

Перенесенный в свой дом, Фалалей, вероятно, скоро бы там выздоровел, но ему не привелось наслаждаться домашним покоем при заботах жены. К нему тотчас же пришли купцы, доверившие ему в долг товары, и стали требовать с него уплаты денег.

Фалалей отвечал им:

– Вы себя и меня напрасно мучите: или вы не видите, что я разорен совершенно и не могу ничего заплатить вам?

Купцы отвечали, что они ему не верят и подозревают, что он их товары где-нибудь продал, а вырученное золото закопал где-нибудь в примеченном месте и потом сам, для отвода, бросился в море.

– Вы меня напрасно подозреваете, – отвечал Фалалей, – все товары погибли; верьте мне – я христианин и лгать не

могу.

Но купцы в свой черед ответили Фалалею, что и они теперь тоже стали все христиане, как их император, но что это дела не изменяет, и что, сколько Фалалей им должен за товары, они все это желают с него получить. «А иначе, – говорят, – мы возьмем рабов, выставим все, что здесь видим, на базаре и продадим».

Фалалей отвечал им:

– Базарьте.

Тогда заимодавцы привели рабов и велели им при себе же взять все, что было в доме у Фалалея, и вынести на базар, а семью его из обобранного дома выгнали и самый дом заперли большим замком и ключ отдали известному в Аскалоне доимщику Тивуртию, с тем чтобы он этот дом продал и вырученные деньги поделил между всеми, кому Фалалей должен.

Доимщик Тивуртий был человек страшный: лицо имел дряблкое и скверное, цвета вареного гороха, и совсем безволосое, глаза черные, веки валиками, все тело мягкое и напряженное, а ходил тихо, как кот. Он взял и продал Фалалеев дом богатому трактирщику Эпимаху, который и открыл в покоях и в садах Фалалея корчемницу и веселый притон для иностранных мореходцев; а деньги, которые были выручены за продажу дома, Тивуртий разделил между теми, чьи товары потопил Фалалей, по столько, по сколько пришлось в разделе на каждого, и себе взял положенную часть за доим-

ку. Но, однако, всего, что Тивуртий выручил через продажу дома, было слишком недостаточно для того, чтобы покрыть и половинную долю того, что пропало на Фалалее.

Тогда искусный доимщик Тивуртий, который был тем известен, что умел донимать с должников все до последней капли, сказал:

– Что хотите мне дать? Я еще попытаюсь больше взыскать. Дело не может быть так, как Фалалей уверяет. Я полагаю, что не все ваши товары пропали в море, а что Фалалей их где-нибудь продал на островах эгеянам, таким же, как сам он, коварным и тихим, а вырученное золото он где-нибудь спрятал. Это только и надо узнать, а спрятал он его, наверное, где-нибудь там же, на тех далеких островах, под известным ему деревом или камнем. Дайте мне во всем большую часть против положения, и я возьму Фалалея в темницу и стану его морить в неволе. Так я все вам и себе выручу, – закончил доимщик Тивуртий.

Купцы, услышав такие слова от опытного доимщика, все между собою переглянулись и, перетакнувшись, отошли в сторону и сказали друг другу:

– Что же еще размышлять? Ведь вправду Тивуртий предлагает нам хорошее дело: он лучше нас знает все хитрости мореходцев, и если Фалалей промотал наши товары и золото скрыл, то Тивуртий дойдет его в темнице и получит наш долг с Фалалея. Пусть только Тивуртий держит его в темнице не на нашем, а на своем хлебе.

И отдали купцы друга своего, корабельщика Фалалея, для правежа³⁰ и доимки на всю волю опытному и жестокому доимщику. Тивуртий же доимщик пошел к себе домой, взял из окованной, большой скрыни³¹ серебряный пояс дорогой цены под полу и пошел с ним к градоправителю аскалонскому и стал просить его, чтобы он посадил Фалалея в Иродову подземную темницу, а дорогой чеканный пояс дал ему в поминку и вперед сделал посул дать ему еще более ценную вещь, лишь бы сейчас позвал на очи темничника Раввула и повелел ему томить Фалалея всячески, как только захочет доимщик Тивуртий.

Градоправитель принял пояс и исполнил просьбу Тивуртия: он послал городских стражей с приказом взять и перенести больного Фалалея в Иродову темницу, полную гадов, и отдать его темничнику Раввуле, а Раввула бросил его там на гнилой тростник между страшных злодеев и запер, пока он заплатит все, что имеет право взыскивать с него доимщик Тивуртий.

Глава третья

Иродова темница в Аскалоне была посреди города, на главном базарном месте. Она была рытая в земле, вроде очень большой погребной ямы, и подведена столбами и сво-

³⁰ Правеж – взыскание долга с неисправного должника путем истязания.

³¹ Скрыня (др. – рус.) – сундук, ларец.

дами из сырых камней, а сверху присыпана землей тоже так, как погребница. Снаружи ее и отличить было трудно. Казалось, будто это простой земляной холм. Тут же, на этой насыпи, шел всякий день торг. Тут били людей на правеже воловьими жилами, и тут же сидели с ночвами³² и с лоханями аскалонские рыбаки, предлагавшие живую рыбу, и торговки, продававшие хлеб, овощи и рыбацьи снасти. В откосах насыпи были пробиты и очищены крепкими железными решетками две узенькие отдушины, через которые, впрочем, внутрь подземелья едва проникал самый слабый свет, и проходила самая скудная струя воздуха, и порою достигал отдаленный гул рынка.

В этой аскалонской темнице, выкопанной при Ироде, сидело очень много разноплеменных людей, и все они страшно томились тут от тесноты, голода, жажды и недостатка дневного света и воздуха. Свет солнечный едва доходил сюда на минутку косым лучом через одно узенькое окошечко, а солнечная теплота совсем сюда не проникала, отчего сырость была несказанная и проникала тела заключенных. В этой общей яме были тесно сбиты вместе и злодеи-душегубцы, и воры, и неплательщики. Все они были лишены всякой свободы движения. У одних ноги были заколочены клиньями в деревянные колоды, и эти сидели вовсе неподвижно, а на других были наложены тяжелые цепи, производившие терзательное лязганье при каждом движении рук и ног; те же, которые бы-

³² Ночвы – мелкие лотки торговцев рыбой и снедью.

ли пойманы на разбоях и убийствах и подлежали смертной казни, око за око и зуб за зуб, – эти были прикованы к стене тройными цепями за ноги, за руки и за шею. Логовища этих бесстрашных злодеев были в самом заднем отделении, в узких и совершенно темных впадинах, вырытых в глине. Все заключенные в Иродовой темнице люди, где сидели, там же и спали, и тут же они и пили, и ели, и отправляли все свои телесные нужды. Здесь их посещали друзья, и родные, и жены. Обычай были так суровы и просты, что случалось нередко, что жены людей, заключенных в этой Иродовой темнице, посещая мужей своих, становились снова матерями новых детей... Такова была эта ужасная Иродова тюрьма в Аскалоне, в которую доимщик Тивуртий заключил Фалалея, мужа Тении и отца Вирины и Витта.

В то же время, как был посажен в эту тюрьму Фалалей-корабельщик, за несколько дней ранее в эту самую яму, и притом в самой темной ее впадине, был помещен и прикован на пять цепей за руки, и за ноги, и за шею береговой злодей, по имени Анастас-душегубец. Он был известный разбойник. Он грабил и лишил жизни много людей. Всех убитых им на суше и на море считалось сорок душ. Он давно вооружил против себя всех людей в Аскалоне, и все аскалонцы радовались, что Анастас наконец пойман, и ожидали его казни.

Для произнесения суда над Анастасом должен был вскоре прибыть из Дамаска важный сановник, по имени Милий, при котором злого Анастаса и должны были казнить мечом

всенародно посреди Аскалона.

Рядом с тою впадиной, в дальнем конце темничной ямы, где был прикован злодей Анастас, находился тесный лаз еще в особую низкую глиняную ямину, по названию «прокаженная». Она называлась так потому, что здесь некогда сидел человек бесноватый и прокаженный, который неустанно злословил царя Ирода, и за то здесь и умер в заточении. С той поры в эту прокаженную нору никто не входил, потому что и сам страж темничный, бесстрашный Раввула, боялся прикоснуться к глине, на которой сидел и о которую терся прокаженный. Ямину эту, однако, не заваливали, потому что в ней была другая продушина, которая была необходима, чтобы не задохнулись невольники.

Глава четвертая

В аскалонской Иродовой темнице давали скудную пищу от подаяний только тем из невольников, у которых не было ни родни, ни друзей, а должникам и тем, у кого были какие-нибудь родные, хотя бы и самые бедные, темничник Раввула никакой пищи не давал. Об этих узниках должны были заботиться те, кто их посадил, или их близкие родственники, которые и приносили сюда невольникам то, что могли. Поэтому и корабельщика Фалалея должны были питать жена его Тения или Тивуртий, но Тивуртий сказал:

– У Фалалея есть жена, она молода и наделена от природы

большую красотой: пусть она его кормит.

Тении это, с одной стороны, было приятно, потому что, принося пищу мужу, она могла его видеть и после с ним оставаться до вечера, но зато надо было добывать ему пищу, а это возлагало на Тению заботы, которые были для нее очень затруднительны.

Бедная Тения одна должна была заботиться о том, чтобы добывать деньги для пропитания себе, мужу и двум своим детям, Вирине и Витту, да еще старой бабке их Пуплии, которая в это время была уже немощна и не в силах была работать, а только смотрела за внуками. Тения же, как дочь жреца, выросла в довольстве и неге: ее голову заплетали невольницы и они же навевали на нее с вечера сон, а утром к вставанию будили ее легким ласканием ее ступней.

Вообще она была не приучена исполнять какие бы то ни было тяжелые работы. Она была научена только изящным искусствам, в которых никто не нуждался, но она теперь только ими и старалась находить заработок. Так как она всего лучше умела играть на многострунной арфе и притом имела дар быстро слагать и петь приятным напевом стихи своего сочинения, то она стала ходить в свой бывший виноградный сад, где теперь под узорными шатрами, раскинутыми Эпимахом, в прохладной тени деревьев и ползучих гроздей, собирались заезжие в Аскалон чужестранные мореходцы. Хозяин этих шатров, видя, что Тения прекрасна собою и может нравиться его гостям и наружностью, и игрою, и пе-

нием, позволял ей садиться среди пирующих мореходцев и ставил перед нею кубок вина, к которому она, впрочем, не прикасалась устами, потому что велико было съедавшее ее горе и она позабыть его не хотела.

Для увеселения пирующих мореходцев Тения все ночи насквозь играла на своей арфе и пела, сама тут же составляя из собственных слов своих песни, из которых иные были очень трогательны и нередко достигали до сердец слушателей и смягчали их грубые порывы. Корабельщики, слушая игру и песни Тении, были довольны тем, что видели перед собою прекрасную певицу, и давали ей монеты, с которыми Тения потом уходила на рынок – покупала здесь лучшей пищи для детей, и для мужа, и для его матери Пуплии, а для себя уснувшую дешевую рыбу. Обе эти женщины, Тения с Пуплией, и находившиеся при них дети, Витт и Вирина, ютились теперь за городом в убогом шалаше, смазанном из тростника и илистой грязи.

Занятие арфистки и певицы, которое поневоле избрала Тения для пропитания семьи, не было, однако, для нее ни легко, ни приятно, потому что с растерзанным сердцем ей трудно было забавлять игрою и пением праздных и часто нетрезвых людей; но, не умея делать ничего другого, что могло бы дать ей заработок, Тения безропотно покорялась необходимости и несла свою долю, не обнаруживая своего страдания перед мужем. Между посетителями виноградных шатров встречались и такие, которые не довольствовались пес-

нями, а не раз делали Тении предложения продать им за золото свои ласки. Тения не обижалась, ибо понимала, что теперь все могут почитать ее сходною на такое дело, и отвечала спокойно и скромно:

– Неустрашимые и добрые люди, я продаю только то, что предлагаю: я играю на арфе и пою мною сложенные нехитрые песни. Я пою и играю потому, что я не умею делать ничего другого, а должна питать детей и мужа. Слушайте мою игру, и да минует вас и всех, кто вам дорог на родине вашей, всякое горе.

Корабельщики, получая такой скромный ответ, стыдились оскорблять Тению своими приставаниями, но содержатель шатров Эпимах был ею за то недоволен и говорил ей:

– Ты очень красивая, но совершенно безрассудная женщина: или ночи наши, на твой взгляд, не довольно темны, а сикоморы³³ мои не молчаливы? Зачем ты не отходишь ни с одним, кто тебя кличет, в отдаленье к берегу моря? Там с глазу на глаз с ним ты могла бы спеть ему что-нибудь сладостней песни о горе, и в поясе у тебя зазвенело бы крупное золото, а не ничтожная мелочь. Ты и себя, и меня лишаешь хорошего дохода.

Тения отвечала, что она получает довольно, и отходила от Эпимаха, стараясь выкинуть из памяти этот неприятный ей разговор. Эпимах же добивался другого – он хотел услужить

³³ Сикоморы – южные тропические плодовые деревья; это же название имели и платаны.

своим гостям и был очень недоволен Тениею. Он желал бы видеть на ее месте в своих садах певицу, более благосклонную к исканиям его веселых посетителей. А мореходцы, как бывалые люди, ему рассказывали о том, каких угодливых певиц они встречали в садах Александрии и Даметы, а Эпимах с укоризною сообщал эти рассказы Тении, но она ничему этому не хотела внимать.

Тения разделяла свое время так, что утром она мыла и чинила носильную ветошь, какая осталась на ее детях после изгнания из дома, и услуживала бабке их, старой и изнеженной Пуплии; потом шла на рынок и покупала горсть сухой чечевицы и щетинистого угря, или другую дешевую рыбу, варила ее с луком у варильщика при общем очаге и к полудню несла эту похлебку в темницу мужу. Из темницы родственников заключенных не выгоняли, и Тения оставалась с Фалалеем до самого вечера, когда, при заходе солнца, входил с бегемотовою жилой в руке темничник Раввула и, выгнав всех посетителей вон, закрывал на засовы двери темницы. Тогда изящная Тения вставала и шла в шатры своего бывшего виноградного сада и там играла на арфе и пела до тех пор, когда восходящее солнце напоминало гулякам о нужде и заботах вновь наступавшего дня.

Так прошло несколько месяцев после заключения Фалалея, и телесные силы Тении стали подаваться, и красота ее начала меркнуть. Происходило это сколько от горя, столько же от нового образа жизни, не отвечавшего ни ее здоровью,

ни ее целомудренным навыкам; однако же, несмотря на это, Тения оставалась твердою в своей непреклонности и слишком прекрасною для того, чтобы непреклонность ее не казалась досадительною, а красота слишком привлекательною, и все это продолжало возбуждать порочные искания, которые и подготовили, наконец, чрезвычайно тяжелое и большое испытание для добродетели Тении.

Вышло так, что по этому поводу в Иродовой тюрьме в Аскалоне произошли события, отмеченные весьма кратко, но по ужасу своему достойные долгой памяти и сострадания.

Глава пятая

Вскоре после того, как Фалалей был заключен в Иродову темницу, из Дамаска прибыл в Аскалон ожидаемый для суда над Анастасом-злодеем именитый ипарх³⁴, по имени Милий. Он был прислан не только затем, чтобы осудить Анастаса, но также чтобы заодно осмотреть, как управляет областью аскалонский правитель Димас, и раздать подаяние, которое прислала через него в Аскалон от щедрот своих Феодора.

Обходя аскалонскую темницу, Милий остановился перед впадиной, где был прикован пятью цепями безжалостный Анастас-разбойник, и когда темничник Раввула осветил факелом Анастаса, то Милий удивился, увидев его ужасное ли-

³⁴ Ипарх (епарх) – глава административного округа в Восточной Римской империи (Византии).

цо, – так сильно и резко изображалось на нем беспощадное свирепство разбойника. Тут Милий не удержался и воскликнул вслух:

– О, как он подл и противен! Клянусь, что я никогда не встречал на свете ничего более злого и омерзительного, как эти его косые глаза и эти вразлет идущие густые брови! Земля с нетерпением должна ждать минуты, когда этот безжалостный зверь перестанет дышать ее воздухом и тяготить ее своими ногами. Впрочем, я об этом как можно скорей постараюсь.

Злодей же Анастас, услышав, что проговорил о нем Милий, запрыгал на месте и, тряся от гнева цепями, закричал на ипарха:

– Я тебе мерзок, а может быть, сам ты и еще меня хуже. Твое ли дело, злая душа, надо мной насмеяться? Жалею, что я не повстречал тебя раньше и не здесь, где ты на свободе, а я крепко прикован цепями: иначе я посмотрел бы, что красней – твоя кровь или твоя пурпурная тога? А теперь будь ты проклят!

Прокричав это неистовым голосом, Анастас так страшно ударил о стены своими цепями, что все другие невольники вздрогнули и сжались в страхе, а стражник Раввула и воины, сопровождавшие с зажженными факелами вельможу Милия, окружили его, чтобы страшный вид Анастаса его не тревожил. И тут-то, при дрожащем свете этих факелов, встревоженный взгляд благообразного Милия пал на лицо изящной

Тении, которая в страхе за судьбу Фалалея старалась закрыть его своим станом. Милий же был большой сластолюбец, и изящный облик Тении сразу ударил его в страстное сердце, так что он остановился и обратился к сопровождавшему его отроку, скорописцу Евлогию, и сказал ему тихо:

– Открой скорее кису³⁵ присланных с нами доброхотных даяний. Здесь я вижу перед собой христианку, на лице которой читаю ее невинность. Наверное, она страдает напрасно по языческой злобе, и я хочу облегчить ее участь во славу величайшей в женах императрицы Феодоры.

Отрок Евлогий потянул шнуры кожаной кисы, в которой лежали деньги, назначенные для раздачи христианской милостыни заключенным, а Милий обратился к Тении и сказал ей:

– Приблизься, прекрасная христианка, возьми себе помощь и скажи нам скорее: за что ты томишься? Я уверен, что ты страдаешь напрасно, и кто тебя заключил в эту темницу, тот сам недостоин свободы.

– Ты ошибаешься, благородный господин, – отвечала Тения, – я не христианка, – я дочь жреца Полифрона и держусь старой веры.

Милий смутился и отвечал ей, что он сожалеет, зачем она сказала ему, что она язычница.

– Теперь, – молвил он, – я не могу оказать тебе помощь, какую имел желание сделать, – и при этом он удержал сво-

³⁵ Киса – кожаный мешок, затягивавшийся шнурком.

ею рукой руки Евлогия-скорописца, распускавшего связки кисы, где хранилось золото, присланное для раздачи новым христианам.

Тения же, услышав это сожаление Милия, не обнаружила никакой особой, усиленной тревоги и сказала ему спокойно.

– Разве для Феодоры и для твоего милосердия не все равно оказать помощь тому, кто в ней нуждается?

– Нет, – отвечал Милий, – мы должны помогать прежде своим по вере, а потом чужезерным.

– В таком случае помоги моему мужу и детям – они все вашей веры.

Милий обрадовался.

– Если муж твой и дети той веры, которой теперь отдают высшие люди высший почет в Византии и в Дамаске, то тогда совесть моя позволяет мне оказать тебе помощь. Подойди же сюда и возьми по монете для каждого из кисы добрых даяний.

Тения отвечала:

– Господин, мне некстати опускать самой руку в мешок: я питаюсь сам-пять, – повели, чтобы отрок твой дал мне, что определит твоя щедрость.

Милий велел отроку дать ей десять цехинов, а потом спросил у нее:

– Какое ты сделала зло или чем проступилась против закона?

– Милосердное Небо до сего дня хранило меня от злого

деяния, – ответила Тения.

– Ты, может быть, судишь так по своей языческой совести, и тебе только кажется, будто ты не сделала ничего преступного.

– Нет, я и в самом деле не сделала ничего преступного.

– В таком разе за что же тебя лишили свободы и держат в этой душной и страшной темнице?

Тения отвечала вельможе, что она вовсе не невольница и свободно может приходить сюда и выходить отсюда, а сидеть здесь, в этой душной и страшной темнице, ее побуждает сострадание и любовь к мужу, который тут заключен и томится за то, что он не может заплатить денег купцам, доверившим ему свои товары.

– Когда же ты надеешься выкупить своего мужа?

– Я не имею на это никакой надежды и только делаю то, что могу: я приношу ему пищу и стараюсь его утешать и поддерживать в нем бодрость.

– Мне кажется, ты могла бы сделать для него гораздо больше, чем это.

– Ах, яви свою милость, научи меня, что я могу сделать, чтобы возвратить свободу Фалалею, и ты увидишь, что у меня не окажется недостатка в решимости и твердости, я исполню все, что для этого нужно.

– Нужна только одна твоя решимость.

– В таком случае это уже сделано. Не медли же, говори как можно скорей и понятней, что я должна принести счастью

семьи моей в жертву? Жизнь мою?

– Нет.

– Так что же? Умоляю тебя, не мучь меня и говори мне от раза.

– На какую сумму простирается долг твоего мужа? – спросил Милий, лаская взором изящную Тению.

Тения отвечала ему по правде, сколько Тивуртий и купцы исчисляли долгу на корабельщике. Это составляло очень значительную сумму.

Милий был вельможа богатый, но скупой, и притом сумма Фалалеева долга и для его больших средств была не ничтожна, а потому он сказал:

– Муж твой, к сожалению, должен очень много! – И Милий отошел от Тении и стал подвигаться дальше к выходу, но в это самое время к нему приблизился доимщик долгов, хитрый старец Тивуртий, который был чрезвычайно искусен на то, чтобы делать всякие сделки, лишь бы донять что-нибудь с содержащихся неплательщиков. Увидав, что Милий ласкается к Тении, Тивуртий сейчас же сообразил, что этим можно воспользоваться, и прошептал вельможе на ухо:

– Долг мужа красивой женщины, которая сейчас имела счастье внушить твоему вельможеству высокое состраданье, очень велик, но она ведь не знает, что весь этот огромный долг может быть сильно понижен. Я здешний доимщик Тивуртий, – мне известны все дела в Аскалоне, и я знаю, что надобно сделать, чтобы все вышло, как ты желаешь.

Милий остановился, а Тивуртий продолжал ему говорить:

– Поверь, что слова мои так же точны и верны, как верно и то, что женщины красивей и изящней Тении нелегко отыскать во всех городах, которыми правит благословенная власть Феодоры, с которой, – мог ты заметить, – Тения, кажется, схожа.

Милий же, вместо того чтобы обидеться теми словами, с которыми подошел к нему Тивуртий, забыл и свой сан, и свое положение в темнице среди заключенных, а продолжал любоваться издали красивыми линиями стана жены корабельщика, а Тивуртий, заметив это, сделался еще более смел и прошептал:

– Ты посмотри: слова нет, что Феодора прекрасна, и все говорят, будто в землях, Византии подвластных, нет другой женщины, которая могла бы с Феодорой сравниться... но ведь это только так говорят... На самом же деле время не щадит никого, и Феодора нынче уже не та, какой она раньше была, когда ее знали актрисой, – правда, она зато теперь наша царица, и да дарует Всевышний ей многие лета, – но... вспомни, как она нынче поблекла, и посмотри опять на эту стыдливую Тению...

– Зачем эти сравнения? Они обе прекрасны.

– Да, они обе прекрасны, но та ведь на троне, в пурпуре и в венце многоценном, ее плечи и шею ежедневно разглаживают навощенными ладонями молодые невольницы, а египетские бабки обкладывают на ночь ее перси мякишем

душистого хлеба из плодов египетской пальмы, а, по правде сказать, и это все ей уже не помогает: этот душистый египетский мякиш дает персям ее лишь одну фальшивую нежность, но он не может им возвратить их былую упругость... Нет, это минуло... Смотри же, каковы перси Тении, а ведь Тения в горе и в тяжелой нужде – она в бедном рубище, среди людей, усыпанных всякою нечистью, но и тут, ты смотри, как краса ее блещет... Смотри этот царственный взор, эти белые зубы и особенно эти перси, которым не нужен египетский мякиш...

– А до какой суммы можно уменьшить долг ее мужа? – нетерпеливо волнуясь, перебил речь доимщика Милий.

Тивуртий сразу же сбавил целую треть долга, а когда заметил, что Милий еще находится в нерешимости, то сказал вкрадчиво:

– Однако я вижу, что ты очень тронут судьбою этой несчастной, и, чтобы сделать тебе приятное и заслужить себе наперед твою благосклонность, я постараюсь склонить всех купцов, чтобы они уступили тебе долговые права на Фалалея не за две, а всего за одну треть того, что он им действительно должен. Не колебайся далее и повели быть этому так, как я предлагаю. Пусть Тения будет тебе обязана счастьем и постарается быть тебе благодарной.

Милий ему отвечал:

– Хорошо, я согласен, – благодарность ее мне драгоценна, но только я не хочу принуждения. Дай мне сказать еще

несколько слов с этою Тенией, красота которой, действительно, не менее той, которая нынче достойно украшает собою престол византийский.

Тивуртий нагнулся к уху Милия и прошептал:

– Она ее превосходит... Феодоре теперь не достичь того, чем обладает Тения... и притом...

– Что ты хочешь сказать?

– Феодора слишком многим известна.

– Тсс... Ты дерзок.

– Не опасайся... я знаю, что я говорю, и сказал только то, что Тения спит как попало, в шалаше, на рогоже, согнувшись и сжимая от холода перси руками, а Феодора покоится, заложив руки под пуховые подушки; но дай Тении ту же роскошь, и как ее стан изовьется, в каких очертаниях!.. О, да ты сам понимаешь, что стыдливость Тении может доставить то, чего не может дать все любовное искусство Феодоры... Ты пылаешь, я вижу, и хотя я стар, но я тебя понимаю.

– Ты прав, красота этой женщины помрачает мой разум, – отвечал Милий, – и к тому же ведь она язычница.

– Да, она язычница, она дочь жреца Полифрона, который убил себя, не желая видеть новых порядков.

– Язычницы ведь свободны располагать собою: они не знают стеснений...

– Да, для них это привычно: они отдавались и Дионису³⁶,

³⁶ Дионис (Вакх) – бог виноделия и виноградарства в греко-римской мифологии.

и иностранцам во славу Изиды³⁷. У них свой взгляд на эти вещи...

Милий обратился к скорописцу Евлогию и приказал ему подозвать к себе Тению.

Глава шестая

Услышав от отрока приказание подойти к его господину, Тения сейчас же встала и подошла к Милию, а тот подал ей с ласковою улыбкой златницу и сказал:

– От взора моего не сокрылось то, чего ты не в состоянии скрыть от всех, кто тебя видит, – ты нестерпимо прекрасна. Знай же, что твоею красотой смущено мое сердце и я готов на многие жертвы, чтобы получить твои ласки. Будь согласна на это – приди ко мне в дом сегодня вечером и останься в опочивальне моей только до утра. За это я дам тебе сколько ты хочешь.

Лицо Тении покрылось румянцем, но она отвечала спокойно:

- За это – я не хочу ничего.
- Я тебе предлагаю пятьсот златниц.
- Ты напрасно будешь предлагать мне и тысячу.
- Две!
- Все равно! – я к тебе не приду.

³⁷ Изида (Исида) – богиня плодородия, воды, ветра и волшебства в египетской мифологии; олицетворение супружеской верности и материнства.

– Я дам тебе пять.

– Хоть и десять.

– Двадцать тысяч!

– Ты оскорбляешь меня этим торгом; но с тех пор, как я подпала несчастью, я уже привыкла к подобным обидам. Бедность должна много прощать людям с достатком, но любовь моя не продажна: я люблю мужа.

– Ты его и люби, но ведь ты язычница, и по вере твоей тебе нет греха в том, на что я тебя приглашаю. Твой бог Ану-бис³⁸ тебя не осудит. Принеси же ему втайне жертву за мужа и возврати ему волю.

– Ты знаешь, что говоришь, – отвечала Тения, – я дочь жреца, и брак мой с мужем моим теперь не связан законом. Ты прав, я вольна оставить его и свободна избрать другого по сердцу, но я верна Фалалею потому, что он мил мне, и если я жила с ним в довольстве и счастье, то неужели я покину его в горе? Нет, так не будет, и ты возьми даже эту златницу, которую дал мне, – у меня есть сегодня для всех нас на хлеб и на рыбу.

Ипарх изумился кроткому ответу Тении, но она ему еще более понравилась, и он еще больше распалился желаньем.

– Оставь взятую златницу у себя, – сказал он, – и вот возьми еще другую и не будь за них мне ничем обязана, но не будь безрассудна и еще поразмысли. Если ты согласишься

³⁸ Анубис – по древнеегипетским представлениям – покровитель умерших, судия богов.

прийти ко мне, то я еще возвышаю цену: я высыплю к твоим ногам всю кису доброхотных даяний, и тогда ты можешь выкупить на эти деньги свободу своему мужу. Обдумай это, прежде чем захочешь сказать свой ответ мне.

– Ты очень щедр, – отвечала Тения, – и возвысил цену моей красоты до того, что она стала теперь ценою свободы моего мужа, а я язычница, и, как ты говоришь, я не имею стеснений, но ты позабыл, что наши женщины ходили в храмы богини Изиды с согласия мужей их, и это не был обман, так и это, о чем ты говоришь мне, касается моего мужа, а потому я должна спросить у него, согласен ли он, чтобы я купила ему свободу этою ценой. Если муж мой будет на это согласен, тогда я... сделаю то, что буду вынуждена сделать. Таков мой ответ, а если хочешь знать, что скажет мой муж, то я сейчас пойду и спрошу его, и что он скажет, то я исполню.

Милию это показалось безумием, но доимщик Тивуртий, который стоял недалеко и слышал этот разговор, успокоил ипарха и сказал ему:

– Оставь ее, Милий, пусть она сделает так, как она хочет: мужчины благоразумнее женщин. Эти бывают некстати упрямы, а муж, наверное, даст Тении такой ответ, после которого она придет к тебе и с несмущенной душой отдаст тебе свои ласки. Ты же ведь сам не хочешь насилия.

И затем, проводив Милия за двери темницы, Тивуртий подошел к скованному Фалалею и рассказал ему о выгодах ипархова предложения.

Глава седьмая

Заклученный в темнице Фалалей ничего не ответил Тивуртию, но только горько заплакал, а на другой день, дождав-шись прихода Тении, обнял ее и опять со слезами стал благодарить ее за ее верность.

– Что же ты думаешь? – спросила его Тения.

– Хотя бы мне суждено было провести бесконечные годы еще в худшей темнице, чем эта, которую выстроил Ирод, и хотя бы мне надлежало умереть в ней без надежды когда-нибудь видеть море, и солнце, и милые лица наших детей, то и тогда я предпочел бы вечное это томление в неволе одной минуте твоего позора. Ты можешь поступать как хочешь, но что до меня, то пусть я здесь доживу мою жизнь и умру в этой яме, но ты для моего спасения не отдавай своей чистоты – в ней твоя прелесть и в ней моя радость и сила.

Тения обрадовалась, услыша от мужа такие слова, потому что они отвечали ее собственным чувствам.

– Благодарю тебя, – отвечала она, – ты теперь укрепил мою душу, и за то я открою тебе, что я таила в себе, когда отдавала себя в твою волю. Знай, что если бы ты отвечал мне согласием, то ты оскорбил бы меня больше, чем все, которые, видя наше несчастье, желают склонить меня торговать своею красотой.

Душа моя не снесла бы этого бесчестья.

– Что же бы ты сделала? – спросил Фалалей.

– Если бы ты пожелал, чтобы я отдала себя на ложе этого вельможи, то я бы безропотно исполнила это твое желание, и, выйдя из его опочивальни, я отдала бы за тебя выкуп, но не пришла бы к тебе, а бросилась в море.

– О, я так и думал! – перебил Фалалей.

– Но за то я благодарю тебя, что ты сохранил мое сердце и я могу жить с своими детьми Вириной и Виттом.

Фалалей и Тения оба забыли свое горе и стали так рады, как будто к ним снизошло бесконечное счастье. А так как невольники в аскалонской темнице помещались на соломе очень тесно и ничем не были отделены один от другого, то хотя Фалалей и Тения старались говорить между собою как можно тише, но разговор их, однако, был услышан соседями, и в числе их злодеем Анастасом. Некоторые из заключенных над этим смеялись, а один из них передал слова супругов доимщику Тивуртию, который дал за это вестовщику монету, а сам пришел в большую досаду, потому что он видел в искательстве Милия драгоценный случай взыскать долг с Фалалея, а при таком обороте это взыскание становилось безнадежным. Разгневанный доимщик положил себе на уме наказать Тению как можно чувствительнее за ее упрямство и с этих пор стал употреблять разные меры к отягчению положения Фалалея, чтобы тем вынудить Тению сдаться на предложение ипарха.

Злобный Тивуртий начал с того, что выждал, когда Тения

шла из темницы в виноградный шатер; он сейчас же тихо подошел к ней и начал уговаривать ее не отвергать исканий богатого вельможи.

– Что тебе, – говорил он ей, покрывая лукавые глаза свои толстыми веками. – Ты ведь еще в старой вере и можешь не считать себе это за грех.

Тения только покачала головой и ничего ему не отвечала.

Но Тивуртий не устыдился и не отставал. Он шел за Тенией и рассказывал ей, как Милий знатен и многовластен, и потом, понижая голос и шевеля своими толстыми веками, нашептывал, что ипарх давно бы уехал и для того только медлит произнести суд и казнить Анастаса, чтобы иметь предлог оставаться в Аскалоне, а цель этого одна – достичь одной краткой минуты обладания Тенией, за что он ее так щедро одарит, что она сейчас же может выкупить мужа, а ипарх Милий тогда казнит поскорей Анастаса и тотчас отъедет в Дамаск.

– Так рассуди же сама, как бесполезно упрямство! Все это дело краткой минуты, и ты с этим человеком никогда более и не встретишься. Что же за великая важность... подумай! твоя маленькая тайна нигде не разгласится, и верь мне, что и сама ты о ней скоро забудешь, да и время ли будет тебе помнить о том в счастливых объятиях любимого мужа? О, как счастлив Фалалей, что ты его любишь: будь же умна – пожалей Фалалея и принеси для него эту пустую минутную жертву. А я берусь все так устроить, что ты войдешь к Ми-

лию и выйдешь назад ни для кого не заметно: я поставляю теперь для него провизию и часто ввожу к нему в дом рыбака. Я уложу в корзину дыню и цветного зуйка, а ты оденешься молодым рыбаком, обнажишь свои прекрасные ноги и понесешь за жабры в обнаженных руках прекрасного розового мормира.

Но Тения оттолкнула Тивуртия и не захотела поступить так, как он внушал ей, за это доимщик Тивуртий обещал ей погубить все ее семейство. Тения же оставалась непреклонною и несла свое горе, деля время между детьми в шалаше, мужем в темнице и игрою на арфе в шатрах виноградных.

Отказ Фалалея от получения свободы из темницы ценой унижения Тении так сильно ее утешил, что она не только не боялась Тивуртия, но ощущала в душе усиленную бодрость, и это выражалось в ее игре на арфе. И хотя содержатель ночных шатров так же, как Тивуртий, не одобрял ее целомудрия, но его ночные посетители были сострадательнее к горю бедной арфистки, и монеты из рук их падали к ногам Тении, а она собирала их в корзинку, где у нее в зеленых листьях лежал сухой черный сыр и плоды для детей.

Но не спала ночью не одна Тения – не спал и Тивуртий-доимщик и придумал себе против Тении новые средства.

Глава восьмая

Тивуртий не мог выпустить из рук своих случая, который

казался ему драгоценным, и препятствия, которые ставила ему Тения, только разжигали в нем желание достичь своей цели. Доставив Милию редкие фрукты и розового мормира, Тивуртий вызвался ему схватить Тению насильно и принести ее к нему, обмотав в египетский шелковый парус, но Милий был тонкий ценитель удовольствий и не хотел обладать ею насильно: он желал, чтобы скромная Тения сама подошла к его двери и сама положила ему на плечо свои руки и шепнула ему: «Я пришла возвестить тебе, Милий, что миг благосклонен и до зари я желаниям твоим буду покорна».

Тивуртий сдвинул толстые веки и отвечал:

– Для меня это излишняя тонкость, но тем не меньше я буду стараться: подожди еще с осуждением Анастаса, а я надеюсь сделать кое-что такое, после чего Тения должна будет скоро прийти и сказать тебе: «миг благосклонен».

Чтобы преодолеть непреклонность Тении и скорее довести ее до того, чтобы она согласилась исполнить желание Милия, доимщик Тивуртий рассказал о Тении всем заимодавцам Фалалея. Эти страшно рассердились, что Тения пренебрегает случаем с ними расплатиться за мужа, и пошли все к заключенному корабельщику и стали укорять его, говоря:

– Ты и твоя жена – самые бесчестные люди. Ты разорил нас и нарочно хотел приготовить нам впереди такое самое положение, какое сам нынче, по справедливости, терпишь, а жена твоя своим упорством оскорбляет вельможу, и ты, вместо того чтобы ее образумить, еще и сам отказываешь в сво-

ем согласии на такое незначительное дело, какое переносили не чета тебе именитые люди. Ведь ты не Абрагам³⁹ и не Иц-гак, о которых из века в век вспоминают книги, а те сами и жены их покорялись обстоятельствам. Отвернись на короткий час к стене и вздохни, как бедняк, и мимо тебя совершится все к общему счастью: все мы будем счастливы, и ты будешь на воле и снова увидишь друзей в своем доме и сядешь с женою своею и с детьми на берегу моря в тени сикоморы, и на столе твоём будут ароматные дыни, черноголовый зуй и розовый мормир. Дай же скорее свое согласие, чтобы твоя безумная Тения покорилась вельможе.

– Нет, – отвечал Фалалей, – я не разорял вас с умыслом и не буду счастлив, достигнув свободы через позор чистой Тении. Можете томить меня, сколько хотите.

Купцы были разгневаны этим ответом и закричали:

– Теперь мы еще яснее видим, что ты человек подлый и помышляешь только о себе об одном, а до других тебе нет дела! Ну так не жди же и сам для себя от других ни малейшей пощады! Пусть с тобой как можно суровее поступает доимщик Тивуртий. Пусть на тебя нападут все недуги, живущие здесь со дней Ирода.

Фалалей отвечал:

– Пусть все это будет, но непорочность же Тении мне всего драгоценнее.

³⁹ Абрагам (Авраам) и его сын Ицхак (Исаак) – согласно преданию, родоначальники еврейского народа.

После этого раздосадованный Тивуртий подкупил темничного стража Раввулу, чтобы он не допускал Тению до свидания с мужем, а сам написал некоторому своему знакомцу Сергию, откупщику общедоступных женщин в Александрии, чтобы тот скорее привез в Аскалон несколько красавиц, умеющих играть на арфах, петь нескромные песни и танцевать сладострастные танцы с «исканьем осы, залетевшей в одежду».

Темничник Раввула первый исполнил то, чего желал от него Тивуртий, и, когда Тения приходила, чтобы видеть мужа, он отбирал у нее пищу, ею приносимую, и передавал ее Фалалею, съедая сам, что было лучшее, а Тению отгонял от дверей. Когда же она садилась неподалеку от входа в темницу и плакала, то Раввула порицал ее и говорил ей:

– Ты сама всему виновата: для чего ты больше всего гордишься своею чистотой? Это ведь значит, что ты себя одну только и любишь.

– Это неправда твоя, – отвечала Тения.

– Как же неправда? Ты имеешь возможность разлить ручьем счастье для многих, но для тебя ничего не стоит их жажда. Хороша ты, дочь жреца Анубиса. Да покроешься ты тиной и плесенью, как источник, заглохший в своем водоеме, а я сейчас войду и отягчу цепь на руках и ногах Фалалея и стану стегать его по голому телу воловьей жилой.

Положение Тении стало ужасно, а Раввула продолжал не допускать ее в темницу и в самом деле надел вдвое более

тяжкие оковы на Фалалея и стегал его утром и вечером жилой; но и после этого и Фалалей, и Тения все-таки еще оставались непреклонны. Столько силы для перенесения бедствий они почерпали во взаимной любви друг к другу!..

Между тем подоспевал к Аскалону на пестрой триреме⁴⁰ женский откупщик, александриец Сергей, которого вызвал Тивуртий, и привез в Аскалон тридцать красивых и смелых женщин, удивительно умевших «искать осу» и показывать другие, никогда еще здесь невиданные соблазны. Их новизна и их нестесненность должны были затмить Тению и сделать ее бесполезною в шатрах виноградных, а с этим вместе для нее прекратится и всякий добыток. Да и Милий – кто знает? – может увлечься «исканьем осы», и Тении самой станет жалко, что она упустила.

Глава девятая

Когда Сергей-александриец и его доступные девы высадились на берег у Аскалона, Тивуртий сказал темничнику Раввуле, чтобы он снова открыл Тении доступ к мужу в темницу, а сам в тот же день ранее роздал всем содержащимся в темнице невольникам хлебцы с чернушкой и другими пряными зернами и сказал:

– Это вам посылает великодушный Милий, ипарх из Дамаска. Он бы еще больше хотел вашу облегчить участь и за

⁴⁰ Трирема – древнеримский военный корабль с тремя ярусами гребцов.

многих из вас дал бы выкуп, но он болен, томится и не может прийти сюда, чтобы вас видеть.

Колодники, приняв свежие хлебцы с чернушкой и другими пряными зернами, спросили:

– Чем болен Милий?

Тивуртий им отвечал:

– Болезнь ему причиняет строптивость приходящей сюда жены Фалалея, которая не в меру высоко о себе понимает и не хочет исцелить вельможную душу.

Узники закричали:

– Пусть вовеки живет доблестный Милий, и пусть придет всякое зло на строптивную Тению, жену разорителя многих, гордеца Фалалея.

И вдруг так все возненавидели Тению, что целый день вопияли вокруг Фалалея, а к темничным невольникам пристали и те, которые пришли навещать их, и всеобщее неудовольствие на Тению разнеслось по всему Аскалону. Особенно же проклинали Тению и Фалалея обедневшие через потопление его кораблей. На другой день все эти купцы и производители колесниц и ковров пришли в темницу к Фалалею большою толпой и стали говорить ему:

– Внемли же нам, Фалалей! Не будь безрассуден, согласишься на то, чего алчет уязвленный страстью Милий.

От этой несносной докуки Фалалей томился хуже, чем от прежней неволи в то время, когда темничник Раввула не допускал к нему Тению. Теперь хотя Тения имела свободный

доступ к мужу, но каждый приход ее в темницу вызывал из всех углов смрадной ямы такие вопли и укоры, что Фалалей и Тения терзались ими и сами решили, что им лучше здесь не видеться.

Заметив такой оборот, доимщик Тивуртий подошел еще с одной стороны: он приступил к Пуплии, бабке, матери Фалалея, и сказал ей:

– Вот ты старая и опытная женщина, ты, конечно, не позабыла еще, как жили у нас в Аскалоне во время твоей молодости.

– Разумеется, я это помню, – отвечала Пуплия.

– Жены тогда почитали бесчестьем только обман, но, когда не было обмана, они жертвовали собой Анубису, хотя и знали, что, вместо бога, их примет в свои объятия смертный. Отец Тении, жрец Полифрон, не раз, я думаю, совершал такие таинства.

– Да, и я помню эти проделки Полифрона над нами. Мы узнавали во тьме, что не бог нас целует, а весьма страстный смертный, но стыдились о том говорить и молчали, а Полифрон продолжал это и успешно совершил над многими, что ему выгодно было.

– Ну вот видишь! И все-таки вы, несмотря на это, остались хорошими и честными женщинами?

– Что же делать. Мы примирились с тем, что было для нас неизбежностью, и дело кой-как обходилось.

– Вот только это и надо! Я рад, что слышу от тебя такие

разумные речи! Я знал, что, имея опыт в жизни, ты непременно имеешь и здравый рассудок. Подумай же, на что это похоже: сын твой томится в смрадной темнице, где он сгниет, а меж тем от жены Фалалея зависит, чтобы он получил свободу и чтобы вам воротилось все ваше именье.

– Может ли быть? От этих слов твоих у меня замирает мое старое сердце и слезы клубком подкатываются у меня к горлу. Расскажи же мне: что для этого надо сделать?

Тивуртий рассказал об исканиях Милия и об упорстве Тении: старая Пуплия всплеснула руками и начала горестно плакать и ворчать:

– Для чего... о, для чего это уже не совершилось втайне?

Тогда Тивуртий ей продолжал:

– Я был уверен, что ты это скажешь! Всякая умная женщина, на месте Тении давно бы так и совершила, а не поставила бы свою гордость в таком случае выше, чем счастье семьи. Умная и добрая женщина, конечно, предпочла бы лучше сама немножко поплакать, но за то отереть слезы других, кого любит. Не правда ли?

– Правда, – ответила Пуплия.

– Так помогай же мне сделать умное дело. Ты ведь мать Фалалея; ты бабка внучков своих Вирины и Витта, маленьких, бедных детей... Подумай, что ждет их? Фалалей истомится и умрет – его источит закожный червь в темнице, дети возрастут без учения, и ты умрешь без приюта, а стройное тело твоей гордой Тении согнется, и лицо ее поблекнет, и

никто на нее не захочет смотреть... Тогда она сама пожалеет о том, что теперь отвергает, и проклянет свою гордость. Быть может, даже сама когда-нибудь станет за полог шатра и будет трогать за локти проходящих незнакомцев и смотреть на них подкрашенными глазами, загибая свои руки за шею, но это будет напрасно, и она не продаст никому за серебряник то, за что нынче готов осыпать ее златницами милосердный вельможа. О, будь милосердна к своим и к чужим, умная Пуплия, заставь скорее Тению ловить быстролетящий час, пока молодая кровь делает Милия безумцем. Теперь он рабствует прихоти своего сердца и готов на все, лишь бы ему не отъехать в Дамаск, не изведав краткой ласки от Тении; но этот жар может потухнуть и другого такого случая уже не будет, а если он пропадет, то и тебе, и всем нам после того навсегда будет ненавистна проклятая гордость твоей невестки.

Пуплия молчала, глядя вдаль померкнувшими глазами, из которых на ее сгоревшие от зноя щеки лились обильные слезы, а Тивуртий взял ее ласково за руки и закончил:

– Слезы твои, старуха, самого меня трогают, но и утешают: я вижу, что ты не ставишь счастье других ни во что, как делает Тения, и, наверное, направишь мысли Тении к тому, чтобы не считать свою чистоту бóльшим благом, чем счастье многих.

Тут Пуплия-баба вздохнула и отвечала:

– Слова твои, Тивуртий, страшно остры и едки: тяжело мне слышать, но ты отгадал: я согласна с тобою и буду угова-

ривать Тению, чтобы она не считала свою непреклонность за добродетель, потому что страдания наши слишком несносны.

Доимщик Тивуртий еще похвалил Пуплию и отошел, довольный своим первым успехом, и отправился в виноградные сады, где теперь раскинуты были небольшие шелковые шатры и в них размещались стройные разноцветные девушки, привезенные Сергием из Александрии. Старцы Аскалона собирались смотреть этих красавиц, рассуждали об их прелестях и пили вино, в котором плавали головки гвоздики; а Пуплия, как только дождалась возвращения Тении, положила ее усталую голову на свои колени и начала распускать мелкие плетения ее волос, склеенных вишневым клеем, и начала умолять ее сжалиться над страданием семейства.

– Что же ты хочешь? – спросила ее Тения.

Пуплия припала к уху невестки устами и прошептала:

– Иди к вельможе.

Глава десятая

Услышав такие слова от матери своего мужа, Тения ужаснулась и отвечала ей:

– От тебя ли, о Пуплия, могла я это услышать? Ты ведь мать Фалалея и должна бы поддержать мою твердость и верность супругу, а ты сама кладешь нож в мои руки и посылаешь меня убить в себе мой женский стыд и добродетель су-

пруги. После этого я не должна тебя слушать.

Пуплия же ей отвечала:

– Ах, твердость и верность прекрасны, но горе слишком несносно. Если бы ты жила в прежнем довольствии, я никогда бы тебе таких слов не сказала, но когда всех нас ждет гибель, а ты можешь спасти нас, то я говорю: спаси нас, о Тения!.. О Тения, Тения! Спаси нас своею красотой!

И старая Пуплия упала перед ней на колени и покрыла своими седыми волосами ее ноги.

– Но ведь я люблю своего мужа и моя верность для него дороже всякого счастья, какое могу я купить этою ценой.

– Разве я тебе говорю, чтобы ты его не любила?... Но ради этих детей, которых ждет доля презренных и нищих, если они тебе дороги, тебе должно быть не трудно принести себя в жертву.

– Не трудно... О боги! Это ли должна я услышать?

– «Не трудно» – я говорю потому, что и я, и другие, которых я знала, тоже любили и также имели стыдливость, но подавляли все это в себе, когда надобно было, в честь Диониса и богини Изиды.

Пуплия еще понизила голос и продолжала шепотом:

– У жрецов в храме Изиды был чудесный напиток... Он вовсе безвреден... от него только после... день или два немножко болит голова. Очень немножко... Я видела, как его делали из маленьких голубых грибов... этот напиток, отнимающий память... И в нем еще есть одно чудное свой-

ство... Испивши его, ощущаешь объятья и ласки того, к кому сердце согрето любовью... Я знаю, где находить этот маленький губастый грибок, и его нашла уже и утомила его в горшочке... Он уже выпустил сок свой, туманящий память... Ты будешь в тумане сладостно грезить до самого утра, а утром чуть свет я сама приду за тобою к дверям Милия, ты передашь мне золото и я побегу выкупить из неволи Фалалея, а ты пойдешь к морю, погрузишься вся в его волны и, освеженная, придешь домой, встретишься с мужем, и любовные мечты прошлой ночи станут для вас действительностью.

– Что говоришь ты? Что ты говоришь? – воскликнула Тения. – Неужели все это, по-твоему, можно?

– Без сомнения, можно, – отвечала, кивая головою, Пуплия, и еще раз помянула все, что приводил ей на память культ богини Изиды, и заключила вновь утешеньем, что сок из грибка, отводящего память, спасет ее от всего, что может помешать несмущенной искренности ее чувств к освобожденному мужу.

На это Тения уже ничего не нашлась ответить: она только собрала горстями наперед все свои волосы и, закрыв ими стыдом горящее лицо, застонала, произнося среди слез:

– О, я несчастная! До чего меня хотят довести все людские советы! Я уже не в силах понять, как мне должно поступать, но мой стыд и любовь говорят, что я не должна согласиться на то, чему ты меня учишь.

– Грибок, отбивающий память, отведет в сторону стыд.

– Да, дай мне, дай скорее этого сока, отводящего память, чтобы я могла позабыть то, что я от вас слышу. Во мне мешается смысл: я погибаю оттого, что начинаю не узнавать, где лежит настоящий путь моих обязанностей.

– Если любишь себя больше всех, тешь свой обычай, а если любишь Фалалея и детей – пожертвуй им своею гордыней и отведай грибка, отводящего память.

– Я люблю Фалалея, и потому-то я и хочу сохранить себя непорочной; но ты его тоже любишь и требуешь от меня, чтобы я для него согласилась войти к постороннему мужчине и остаться с ним под влиянием напитка, отводящего память. Как же это – и одно, и другое, – внушает любовь! Которая ж любовь истиннее и больше?... Я дохожу до безумия! Просветите мой ум, старые или новые боги!

– Всякий скажет тебе, – отвечала Пуплия, – что та любовь больше, которая сама о себе не думает. Мать любит больше жены!

– Больше!.. О нет! Никогда! Никогда! – воскликнула, стягивая себе горло волосами, Тения, и с этим она встала, взяла свою арфу и пошла к виноградным шатрам, где еще надеялась получить что-нибудь за свое пение от корабельщиков. Но ее ждал здесь новый удар: девы Египта делали излишним здесь полное грусти пение Тении.

А в то самое время как Тения ушла из-под своего шалаша, к Пуплии пришел Тивуртий и стал ее спрашивать: удалось ли ей сбить Тению? Пуплия ему рассказала все вплоть

до последних слов: «Никогда, никогда», но Тивуртий этим нимало не смутился и отвечал сквозь улыбку:

– Ах, почтенная Пуплия, разве ты позабыла, что все влюбленные люди глупы, а ты не ослабевай и все стой на своем. Так капля долбит камень, и в древности некий мудрец подтвердил это примером. Он имел спор с человеком, который был глуп и упрям, и сказал: «никогда». Никогда – это глупое слово, и мудрец отвечал: «Никогда не должно говорить „никогда“». Продолжай свое дело, и ты восторжествуешь.

– А я не надеюсь, – ответила Пуплия. – Тения слишком чиста, как камень белильный.

– Камень белильный! Что за беда – почернеет и камень белильный, если тихо, но долго по нем ударять и всегда в одно место. Она тебя уже слушает, это прекрасно: лишь бы только белое стало немножечко темнеть, а потом оно будет и синим, и желтым, и черным. «Никогда не надо говорить „никогда“». А надо вот что, – добавил он, склонясь к уху старухи, – надо спешить, чтобы Милию не наскучило ждать и чтобы он с досады не открыл суд над Анастасом и не отбыл в Дамаск, прежде чем Тения скажет ему: «час благосклонен».

Пуплия дала Тивуртию обещание быть неотступною в своих требованиях у Тении и поклялась ему жизнью своею и жизнью внучат Вирины и Витта, и Тивуртий, добившись этого, пошел пировать в шатры Эпимаха, где в вечерней прохладе должны были показать себя в соблазнительном виде привезенные Сергием девы Египта. Пояс Тивуртия на вся-

кий случай был полон блестящими златницами, и тут же был маленький мешочек с головками ароматной гвоздики, производящей волнение крови.

Глава одиннадцатая

Истерзанная разговором со свекровью, Тения шла хорошо знакомым путем к виноградным шатрам Эпимаха. Она гнулась под тяжестью арфы, шла спотыкаясь и не видя под собою дороги от слез. Тения тяжело страдала и думала: «Как я могу теперь петь после стольких тревог и терзаний? Какие слогу я слова и где найду в груди моей голос?» Но когда она вошла в виноградный сад, то увидала, что ей здесь нет уже и места. Сад был полон народа – здесь собрались теперь не одни мореходцы, а были и цветущие юноши, и многолетние старцы из самых почетных людей в Аскалоне. Одни выставались на вид, а другие лежали в кустах и оттуда пожирали взорами нубийскую деву, которая стояла на одном месте среди других таких же подруг, возлегших кругом ее цветною гирляндой. Все они были красивы – брови их были тонко сложены и выведены в полукружие, веки подчернены, груди открыты, на шеях шевелились и тихо рокотали сухие коричневые зерна, а ладони рук и подошвы ног окрашены красною краской... Казалось, как будто из них шел огненный ток и самой земле от них делалось знойно... Поэзия слов и томная арфа были не нужны в этом собрание – и без арфы все были

увлечены тем, что делали: все сидящие в кружок египтянки что-то совсем тихо пели, подражая жужжанию летающего насекомого, – хозяин танцовщиц Сергей так же тихо подыгрывал им на однострунном ребабе⁴¹; а танцовщица, стоявшая в середине круга подруг, содрогалась, беспокойно отгоняя то с той, то с другой стороны подлетающую к ней осу... Жужжание усиливалось, все чувствовали, как досадительно привязчивая оса кружила все ближе и наконец впуталась в легкие одежды мимистки... Она вспрыгнула, изобразила испуг, от которого всю ее судорожно повело, и ее нервность сообщилась всем другим женщинам – они привстали и замахали руками, сжимая в них маленькие кастаньеты, которые хрустели, как кости... Оса все ныряла из одежды в одежду, и женщины, изгибаясь всем станом, так трепетали, боясь укушения осы, что их огненные пятки и пальцы ног вертелись подобно волчку, сливаясь в одну огненную точку, меж тем как девушки поспешно срывали с себя легкий покров за покровом, пока явились перед всеми совершенно нагие... В это же мгновение из куста или с лодки у берега моря раздался тонкий звук дудки лодочника, вмиг погасли огни, а с ними у всех разом затмилась стыдливость и обняла все налетевшая тьма из Египта...

К Тении в этой тьме подошел Сергей, грубо взял ее за плечи и, толкнув ее в спину, сказал ей:

⁴¹ Ребаб – струнный смычковый инструмент Востока, распространенный от Египта до Малайзии.

– Удаляйся отсюда! – И сорвав с ее плеча многострунную арфу, он бросил ее о пень сикоморы, и арфа разбилась.

Тении стало нечем питать заключенного мужа, и Вирину, и Витта, и Пуплию-бабку. Так для нее настал день, когда все они с утра и до ночи остались вовсе без пищи.

В этот день Тения пришла навестить мужа с пустыми руками. Супруги, обнявши друг друга, сидели в темнице в глубоком унынии, но этим не кончились их муки. Тения напрасно закрывала уши, чтобы не слышать укоров, которые ей со всех сторон выкрикивали грубые невольники, помогавшие Тивуртию за раздачу им хлебцев с чернушкой. Тении не надо было рассказывать Фалалею, как ухудшилось их положение: он сам все понимал и тихо сказал жене:

– Я чувствую довольно твердости, чтобы умереть с голоду, но ты будь вольна над собою: я больше не смею сказать ничего о тебе самой и о несчастных Вирине и Витте. Испробуй последнее: пошли их самих просить подаяния; Витт и Вирина красивы, а мать моя Пуплия так стара, что от нее уже пахнет могилой; когда они сядут втроем на пути к Газе или к Азоту и протянут свои руки, то, наверное, их пожалеют и бросят им зерен или хоть мертвую рыбу.

– Напрасно думать об этом, – ответила Тения, – все это уже испробовано: я их уже посылала, но никто ничего им сегодня не подал, все боятся ипарха, и в угоду ему над детьми смеялись и говорили Вирине: «Кляни свою мать, зачем она вас не жалеет». Тоже и мать твоя Пуплия, от которой уже

пахнет могилой, но и она с тех пор, как я возвратилась с пустою корзиной без хлеба, проклиняет меня и понуждает продаться вельможе.

При этом открытии Фалалей разорвал на себе свои лохмотья и сказал:

– Я не хочу ничего больше слышать! Не мучь меня, делай что можешь. Вон входит темничник Раввула. Темница сейчас будет закрыта.

Тения встала и вздрогнула, потому что в это мгновение в стороне темной впадины, где сидел злодей Анастас, вдруг загремели все его пять цепей и к ногам Тении что-то упало.

Тения нагнулась, чтобы поднять упавший предмет и нашла два хлебца с чернушкой. Тения тихо спросила:

– Кто ты, сострадательный человек, который два дня не ел свои подаянные хлебцы и отдаешь их несчастной? Скажи, какой веры ты, чтобы я могла молить за тебя твоего бога?

– Не вспоминай моего имени богу, – отвечал ей грубый голос Анастаса, – я не верю никаким детским сказкам, но ты надорвала мне сердце своим тяжким горем – в том только и дело! Уходи и дай своим детям по хлебу.

Тения не имела времени ему отвечать и хотела удалиться, но Фалалей, как волк, защелкал зубами и, вырвав у нее хлебцы, стал пожирать их с ужасной жадностью.

Тения закрыла руками глаза и убежала, чтобы не видеть, до чего страшный голод довел Фалалея... Ей стало страшно, чтобы сам муж не попросил ее выпить настоя грибка, отво-

дящего память, и идти к Милию с ласковым зовом: «час благосклонен».

Глава двенадцатая

Это был вечер. Тения вышла за дверь темницы, но стала в раздумье. Прямее всего Тении было идти к ее детям, но прийти к ним с пустыми руками значило только усилить их муки. Притом она избегала укоров обезумевшей Пуплии, которая проклинала невестку и в старческом бреде вопила:

– Где моя прежняя красота! Проклятье, зачем я стара и безобразна! О, если бы я понадобилась хоть чудовищу, которое живет в зеленой пучине моря, я бы не остановилась ни перед чем, лишь бы только избавить милого сына и детей его от страдания! Проклятье себялюбивой Тении!

Тении невольно приходило на мысль: если так твердят все и так чувствует и учит ее старая Пуплия, да и сам Фалалей, истомясь, стал ей говорить, что он с нее не снимает воли, то, в самом деле, права ли она, охраняя свое целомудрие с непреклонным упорством? Вот теперь холодные и голодные дети Витт и Вирина томятся со стынущею бабкой, а она, мать, даже не смеет к ним показаться. Ей нет и приюта под крышей, а ночь холодна и по всему Аскалону вдруг распространилось неожиданное беспокойство. Милий, кажется, сделал большую ошибку – он слишком долго замедлил судить и всенародно казнить Анастаса. Пришли вести, что раз-

бойники из Анастасовой шайки успели поправиться, собрались и рыщут вокруг Аскалона. Вчера и сегодня они опять уже многих ограбили и убили двух путников, шедших по дороге к Азоту и Газе. Встревоженные этим, аскалонцы считали возможным, что ободрившиеся разбойники, при чьей-нибудь тайной помощи, проберутся, переодетые, в самый город Аскалон, нападут на темницу, выбьют дверь и уведут Анастаса, которого одно имя внушало всем содроганье. Темничник Раввула не ручался, что большой деревянный замок на дверях темницы может устоять перед силой многих отчаянных людей, которые станут напирать на двери, и он бросил аскалонских старшин, беспечно следивших в это время за тем, как под жужжанье и звуки кастаньеток ловят осу привезенные египтянки, и сел на ночь у двери темницы. Милый спохватился, но поздно: он велел, чтобы с самых сумерек до утра запирали ворота Аскалона и чтобы по городу каждый час ночи посменно ходили дозоры. Эти дозоры должны были брать всех, кто ненадежен или возбуждает сомнение, все равно – будет ли то христианин или язычник. А как христианам казались подозрительными все нехристиане, а язычники с подозрением смотрели на всех христиан, то при встрече дозоров с кем бы то ни было из запоздалых на улицах и городских пустырях впотьмах происходили ссоры и схватки. Побоища эти часто сопровождались ранами и увечьями, а для женщин, кроме того, еще и насилиями. В эту пору в Аскалоне всякий почитал вправе на сожаление только своего

единоверца, а человека чужой веры считал достойным пренебрежения и не оказывал ему снисхождения.

Очутившись в темноте на улице, Тения все это вспомнила и содрогнулась. Положение ее было исполнено такого отчаяния, что если бы в эту минуту возле нее очутились отрок Евлогий или Тивуртий-доимщик, то, быть может, она им сказала бы: «Вы победили, я готова идти, к кому вы хотели меня отвести». Но, по счастью, людей этих не было здесь, они вместе с другими смотрели, как ловят осу, и Тении оставалось выбрать между двумя опасностями: подвергать себя встрече с дозорами, которые могли настичь ее где-нибудь на городских пустырях, или же поспешить выбежать за городские ворота и ночевать в траве оливковой рощи, среди которой было кладбище. Она выбрала последнее, ей лучше казалось провести ночь в тишине кладбища, и к тому же в уме ее пробудилось заложенное там с детства суеверие: у людей языческой веры, в которой выросла Тения, было в обычае, при больших недоумениях, вопрошать кости мертвых. Тения быстро пошла за городские ворота к оливковой роще, с намерением отыскать на кладбище, в песчаной долине, одну могилу, из которой торчал наружу провещательный череп, и спросить: как он ей скажет – она так и поступит. Все живые ее осуждают, все говорят, что не тот ключ благодетелен, который хранит свою чистую воду в своем водоеме, а тот, который разбегается далеко потоком и поит всех, кого томит жажда. Все эти доводы мутят в ней ясность сознания, она

сама не верит себе, что поступает как должно.

– О, скорее, скорее, я пойду – вопрошу кости мертвых!

И Тения быстро пронеслась по темным полям к оливковой роще, сокрывавшей кладбище.

Разбойников, бродивших вокруг Аскалона, по дорогам к Азоту и Газе, она не боялась. Почему они ей не казались страшны – в этом она себе не давала отчета. Не Анастас ли один из всех в аскалонской темнице сберег и отдал ей для детей ее подаянные хлебцы с чернушкой? К тому же на ней нет ни затканых золотом тканей, ни цепей, ни браслетов, ни драгоценного пояса – одежды ее бедны и просты, с нее нечего взять. Во всем остальном разбойники ей не казались опасней, чем Милий, Тивуртий, Раввула-темничник, и даже сама свекровь ее Пуплия, и, наконец, даже сам Фалалей, потому что и он, истомившись, стал алчен, как волк, и начал говорить ей такое, отчего ей до сих пор страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.